JC234
.M36
K38
1924

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

JC234
.M36
K38
1924

00006081303

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/marksovateoriiag00kaut

868 П/87
34
К-30

КАРЛ КАУТСКИЙ

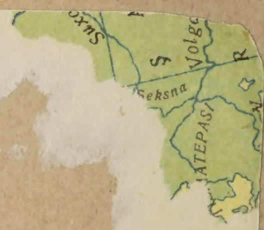
МАРКСОВА ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

В ОСВЕЩЕНИИ КУНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ Л. РУДАША

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
П. ВИНОГРАДСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ



868h/87

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КАРЛ КАУТСКИЙ

JC234
.M36
K38
1924

МАРКСОВА ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

В ОСВЕЩЕНИИ КУНОВА

Marksova
teoriia
gosudarstva
v osveshchen

ПРЕДИСЛОВИЕ Л. РУДАША

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
П. ВИНОГРАДСКОЙ

Ъ. ОК

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROL
CHAPEL HILL

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

МОСКВА, 1924

Рязанская обл.
библиотека
имени ЛЕНИНА

Главлит № 21917. Тираж 5000.

Мосполиграф. 27 тип. „Красная Печать". Москва, Остоженка, 10.

СОДЕРЖАНИЕ.

		Стр.
Предисловие	*Л. Рудаш.*	5
1. Социал-демократия и понятие государства		15
2. Марксово понимание государства		17
3. Маркс, как этик		19
4. Маркс, как анархист		22
5. Уничтожение государства		24
6. Государство и хозяйство		27
7. Врастание в государство будущего		32
8. Борьба за государственную власть		34
9. Сперва экономическая, а затем политическая власть		38
10. Вотирование бюджета		45
11. Изменение взгляда Маркса на революцию		50
Приложение		55

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Последние литературные произведения некогда безупречного марксистского теоретика Карла Каутского теперь ниже всякой критики. Из учителя целого пролетарского поколения он превратился в безнадежного оппортуниста худшей марки, который в своей слепой ненависти к пролетарской революции ни перед чем не останавливается, лишь бы нанести ей ущерб и скомпрометировать ее. Эта предательская деятельность Каутского могла иметь значение до тех пор, пока он оставался в глазах миллионов пролетариев вождем, руководству которого они доверяли, и который вел их по ложному пути. Ленин и Троцкий одни должны были поэтому взять на себя задачу открыть глаза массе на истинный характер деятельности Каутского.

Достаточно было опыта нескольких революционных лет, чтобы с Каутским было покончено. И ныне он имеет так же мало веса, как и то направление (центр), которое он представляет, правильней говоря: не имеет никакого веса. Острота классовой борьбы разъединяет классы и партии и отбрасывает в сторону колеблющихся, нерешительных, невыдержанных революционеров и просто контрреволюционеров. Только в такой опекаемой стране, как Австрия, где и рабочее движение находится под опекой, может еще процветать этот центр; поэтому и Каутский перенес теперь свою резиденцию в Вену, снова ставшей для него привлекательной.

В настоящее время, если Каутский высказывает свое мнение по какому-нибудь вопросу, то это отнюдь не представляет из себя события. Его взгляды не являются теперь ни взглядами марксиста, ни взглядами человека, имеющего какое-либо значение. Его собственные товарищи по партии, Отто Бауэр и Макс Адлер, вынуждены были заявить, что они не понимают впавшего в старость человека, что он все путает, и они приносят извинение за него.

Но настоящая брошюра Каутского, пожалуй, представляет известный интерес для русской революционной публики. Она раз-

вертывает перед нами яркую картину того, как два оппортуниста взаимно ругаются, срывают друг с друга маски и вытаскивают наружу „пикантные“ подробности предательства каждого из них.

Все это было бы смешно, если б не было так грустно!

В 1920 г., следовательно, почти 4 года тому назад, Кунов издал свой новый труд под громким названием: „Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts — und Staatstheorie“ (с дополнительным подзаголовком: „Grundzüge der Marxschen Soziologie“). В 1921 г. появился II том, которым заканчивался этот труд. В этом произведении, как этого и надо было ожидать, марксизм *подвергся решительной кастрации*. Революционное учение Карла Маркса превращается там в буржуазно-либеральную „социологию“, которая с холодным равнодушием и невозмутимостью удаляет из марксизма все то, что напоминает о классовой борьбе и революции.

Поэтому мою критическую статью против Кунова (помещ. в Die Internationale) я озаглавил, быть может, и несколько грубо, но, я думаю, в полном соответствии с сутью дела: „Kastrierter Marxismus“.

Со стороны Кунова ничего другого и нельзя было ожидать. Но самым возмутительным в этом деле является то, что либерально-демократический лакей капитала, Кунов имел наглость с важной миной мудрого ученого-социолога поучать Маркса и обвинять его в том, что будто бы он—Маркс—был непоследователен в марксизме, т.-е. в его же собственном учении, что будто бы Маркс и Энгельс восприняли либеральную теорию *Фергуссона* [1]); поддались анти-государственным анархистским настроениям; противоречили себе в „Коммунистическом манифесте“ и в „Нищете философии“ а Энгельс этически обосновывал социалистические требования и т. д. в этом же роде. Но великий социолог Кунов не только „разделывается“ с Марксом и Энгельсом, а одновременно переходит в атаку против своих собственных „коллег“, против центристов, которые, по его мнению, недостаточно радикальны в деле предательства и фальсификации марксизма. Он напал на Бауэра, Макса Адлера, но в первую голову он обрушивается на Каутского самого, которого он все время именует худшим „схоластическим вульгарным марксистом“, доказать „никчемность“ которого он считает своей задачей.

---

[1]) Адам Фергуссон (1723—1816 г.)., шотландский историк и философ-моралист, современник Адама Смита.

Это сильно задело Каутского. Наоборот, когда мыслители, государственные деятели и революционеры такой величины, как Ленин и Троцкий, клеймили Каутского, как предателя и лакея капитализма, Каутский оставался спокойным:—они ведь революционеры. Но, когда его единомышленник, оппортунист и предатель Кунов, ругает его „вульгарным марксистом", тогда он должен ответить хотя бы и с опозданием на три года. Этому ответу и посвящена ниже предлагаемая брошюра.

Она трактует теорию государства Маркса. После появления бессмертной брошюры Ленина „Государство и революция" взгляды Маркса и Энгельса на государство стали ясны каждому марксисту, который подходит к Марксу, как сознательный революционер. Даже оппортунисты типа Макса Адлера, которые хотят освежить марксизм неокантианской путаницей, даже они вынуждены были признать, что бессмертной заслугой как Ленина, так и большевистских теоретиков вообще, является то, что они выдвинули проблему государства и диктатуры пролетариата на первый план и показали ее центральное доминирующее значение. Но как раз именно тот самый факт, что проблема государства и диктатуры пролетариата не является уже более академической проблемой, а живой действительностью, жгучим вопросом современной революции—именно этот факт заставляет оппортунистов всячески фальсифицировать то правильное понимание существа государства и пролетарской диктатуры, которые выдвигали Маркс, Энгельс и Ленин, и правильность которого подтвердила русская революция. В этой работе все оппортунисты единодушны; они отличаются друг от друга только тем, что один из них является более, а другой менее последовательным.

Самым последовательным из них является г-н Кунов. Нельзя замазывать того факта, что Маркс смотрел на борьбу пролетариата, как на политическую, классовую борьбу, первой целью которой является не простое завоевание буржуазного государственного аппарата, а его разрушение и провозглашение диктатуры пролетариата; также мало можно затушевать и тот факт, что Энгельс говорил об „отмирании государства". Маркс и Энгельс так часто и отчетливо подчеркивали это, что было бы бессмысленно отрицать этот факт, как это делает Каутский, ссылаясь на то, что Маркс говорит о диктатуре пролетариата лишь попутно и в одном письме. Наоборот, Кунов даже констатирует, что Маркс занимал „враждебную позицию по отношению к институту государства", в то же время он обнаруживает противоречие в произведениях Маркса и Энгельса.

Две души, по мнению Кунова, жили в груди Маркса: душа революционера, с одной стороны, и социолога—с другой. Революционер Маркс, говорит Кунов, ненавидел государство, дал анархистам увлечь себя этому чувству ненависти и потерял объективный масштаб ученого; социолог же Маркс исправлял ошибки первого и стоял на более правильной позиции. Многочисленными цитатами Кунов старается доказать факт этого противоречия, цитатами, большая часть которых либо *искажена*, либо же *неправильно истолковывается*, для каковой цели Кунов цитирует соответствующие места неполностью.

Что здесь со стороны Кунова мы имеем грубую фальсификацию, ясно a priori. Маркс и Энгельс высказывались по вопросу о государстве не „случайно". Марксизм представляет из себя законченную теорию общества. Из этой теории с *внутренне-логической последовательностью* вытекает роль государства в обществе.

После исследований Ленина о государстве эта внутренняя логика марксистской теории государства, ее органическая связь с марксистской теорией общества стали настолько ясными, что даже Макс Адлер не решается этого отрицать. Он говорит: „Самым существенным в марксистском понимании государства является подчеркивание факта классового господства, так что такая общественная формация, как государство, является постоянно лишь одной из форм классового господства". „Сама уже идея диктатуры пролетариата означает, что политическая демократия именно потому, что она представляет из себя лишь одну из форм классового господства, *никогда не была возможна и никогда не будет возможна без диктатуры*. Диктатура пролетариата не является в таком случае уже чем-то неслыханным, но представляет из себя хотя и в форме политической демократии (!!) *замену буржуазной диктатуры диктатурой пролетариата*". („Die Staatsauffassung des Marxismus").

Все это сей добрый муж, конечно, списал у Ленина, без указания источника. Это показывает по меньшей мере, что даже наиболее разумный из оппортунистов вынужден был склониться перед внутренней логикой марксистской теории. Стоит лишь последовательно продумать марксизм, чтобы притти к выводу, что марксова теория общества, классов и классовой борьбы с неизбежностью ведет к концепции государства, как органа принуждения, а следовательно, к выводу о необходимости разрушения теперешнего буржуазного государства, к провозглашению диктатуры пролетариата

и к последующему затем отмиранию государства. Все эти звенья в теории являются „составными частями одного целого", они суть логические моменты единой целостной системы.

Точку зрения Маркса на государство Каутский в основном излагает правильно. Искажения начинаются у него только тогда, когда он подходит к вопросу о диктатуре пролетариата в „переходную эпоху". Уничтожение государства Маркс и Энгельс считали неизбежным.

Как мы видим, это знает и Кунов и Макс Адлер. Но Кунов старается доказать, что Маркс противоречит себе в различные периоды своей деятельности.

Но отмиранию государства в последнем этапе должно предшествовать *разрушение* буржуазного государства в процессе пролетарской революции и создание государства переходного периода, которое, по выражению Энгельса, „не является уже более государством в собственном смысле этого слова". В период пролетарской революции государство из органа подавления народных масс, каковым оно было до сих пор, превращается в руках трудящихся масс в орган подавления бывших угнетателей. Этот логический вывод из марксовой теории так же мало нравится Кунову, как и Каутскому.

Русская революция показала, в какой степени разрушение государства является необходимой предпосылкой успеха пролетарской революции; в то время, как немецкая революция 1918 г. показала наоборот, что сохранение старой государственной машины является необходимым следствием революции буржуазной. Сама *практика* и здесь служила интерпретацией теории Маркса. Каутскому, конечно, наплевать как на эту практику, так и на теорию Ленина; он еще раз судорожно пытается доказать, что Маркс требовал лишь завоевания государственной власти, а не уничтожения, а тем более разрушения государства (стр. 24).

Для него решающее значение имеет не эта внутренняя логика марксистской теории, наоборот, он предпочитает здесь следовать по стопам своего учителя, а учителем для него является тот самый Кунов, которого он обвиняет в искажении цитат. Каутский действует такими же способами, как и последний. Он берет цитату из Маркса, вырывает ее из контекста, произвольно ее толкует, искажает ее смысл и Маркса-революционера превращает в мягкотелого демократа, который хотя вообще и не стоит за государство, но в то же время в душе мечтает о теперешнем буржуазном государстве, парламентаризме и демократии.

Так, Каутский цитирует одно место из „Гражданской войны во Франции", где Маркс говорит, что „коммуна хотела лишить старую государственную власть лишь органов подавления", и приводит тут же знаменитое место из письма к Кугельману, где Маркс объявлял разрушение бюрократически-милитаристской машины „предварительным условием всякой действительно народной революции на континенте".

И тут Каутский с торжеством заявляет:

> „Отсюда видно, что Маркс, говоря о перевороте, произведенном коммуной в государственной системе, нигде не имел в виду уничтожения государства,—и даже самую необходимость такого переворота ограничивал европейским континентом. А ведь Англия и Америка также являются государствами»!!! (стр. 25).

Маркс определенно говорит о *разрушении* государства. Нет, возражает Каутский: он говорит только о государственном „перевороте на *континенте*"! Прекрасно, г. Каутский, но как же с Германией, она ведь тоже лежит на континенте?! Почему не помогаете вы Германии по „разрушению" государства? Но разве я сказал на „континенте" отвечает Каутский. Я ошибся. Нужно было сказать *только* во Франции и то лишь—в период коммуны!

> „Он (Маркс) говорил только о том, что необходимо сломать бюрократически-милитаристическую машину, оставшуюся от второй империи" (стр. 26).

Маркс вполне отчетливо выдвигает те методы, которые применяла коммуна в борьбе с конкретным государством во Франции, в качестве „предпосылки всякой народной революции на континенте". Недаром же Каутский из учителя Кунова превратился в ученика своего же ученика. Он, как и Кунов, бессовестно искажает слова Маркса. Но он делает это еще лучше последнего.

„Завоевание" государства Каутский, по образцу всех буржуазных демократов, неизлечимо страдающих парламентским кретинизмом, представляет себе в форме завоевания парламентского большинства. После того, как он (стр. 35) приводит схоластический пример двух конкурирующих в беге, из которых один, капитализм, экономически все время является лучше организованным чем пролетариат, он приходит к выводу, что политическая борьба пролетариата обеспечивает большие шансы для победы. Государство должно быть завоевано.

„Не расширить нужно полномочия государственной бюрократии, а, по возможности, ограничить их“ (стр. 36).

Маркс в своей критике Готской программы (1875 г.) говорит:

„Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган совершенно подчиненный ему“.

По мнению же Каутского:

„Это положение ни в коем случае не означает уничтожения государства, а преобразование его *в духе демократии*“.

Как мы видим, протест Каутского против Куновских искажений Маркса отнюдь не следует принимать в серьез! Если бы Кунов признал заслуги Каутского в деле оппортунизма и измены и не выругал бы его вульгарным марксистом, этот бывший марксист не пошевельнул бы и пальцем, чтобы защитить Маркса от искажений. Каутский сам в этом отношении ни в чем не уступает Кунову! Спрашивается, где стоит в цитированном месте из Маркса пресловутое словцо о преобразовании государства в духе демократии? Как раз наоборот! Если прочитать указанное место, то становится ясно, что Маркс употребляет это выражение *как раз в обратном смысле*. Он говорит: Вы немецкая рабочая партия говорите о „свободном государстве“. „Что такое свободное государство?“ Государство тем свободней, чем неограниченней его власть. Наоборот, свобода народа заключается в том, чтобы ограничивать свободу государства. Чем менее свободным является государство — тем более свободен народ. Но кто из них является более свободным: государство или народ — это зависит от существующих, общественных отношений, ибо государство является не каким-то самостоятельным организмом, а имеет свои корни в обществе:

„Является вопрос: какой перемене подвергнется государство в коммунистическом обществе? Это вопрос, на который может дать ответ только наука“.

А дальше следует знаменитое место о политике переходного периода:

„Во время которого не может быть иного государства, кроме *революционной диктатуры пролетариата*“.

Но Маркс не ограничивается этими словами. Непосредственно вслед за этим *он прямо и определенно говорит, что он имеет здесь в виду не демократическую республику*. Ваши „политические

требования, говорит он, не содержат в себе ничего, кроме старой, давно известной всему миру *демократической литании*". И дальше он продолжает:

> „Та же вульгарная демократия, которая видит в демократической республике осуществление царства божия на земле и не подозревает, что в этой последней из государственных форм буржуазного общества должна разыграться последняя решительная борьба классов,—сама вульгарная демократия стоит неизмеримо выше этого рода демократничанья в границах дозволенных полицией, но запрещенных логикой".

Маркс весь свой сарказм направляет на этих демократов, которых он и Энгельс в „Гражданской войне во Франции" пригвоздили к позорному столбу, которых он и Энгельс чурались, как неизлечимых парламентских кретинов! А теперь Каутский самого Маркса превращает в демократа. Но Маркс не был Каутским, он обладал свойством высказывать ясно то, что он думал. Лишь „буржуазные критики" обвиняли Маркса в „запутанности и неясности" — поскольку они их собственную запутанность и неясность вкладывали в систему Маркса и затем, конечно, их там обнаруживали. Если бы Маркс понимал под „пролетарской диктатурой преобразование государства в духе демократии", *то это он бы сказал.*

Но дело обстоит наоборот. *Демократическое государство* и *демократическую республику* он характеризует как раз, как *„последнюю государственную форму буржуазного общества,* в которой разыграется последняя решительная борьба классов". Он явно говорит здесь не о последней форме государства *вообще,* а о последней государственной форме *буржуазного общества.* И ясно, почему: продуктом „решительной борьбы классов должна быть *новая форма государства, революционная диктатура пролетариата*", которая является не государственной формой буржуазного общества, а государством переходного периода *„между* капиталистическим и коммунистическим обществом". Маркс говорит здесь ясно и определенно, что он думает: демократическая республика и республика пролетарская не только не тождественны, но, наоборот, вторая исторически следует за первой, диктатура пролетариата воздвигается лишь на развалинах буржуазной демократии. Таким образом „интерпретация" Каутского стоит на одном уровне с „интерпретацией" Кунова. Возьмите все возмущения Каутского по поводу открытых им искажений Кунова, и вы сможете целиком приложить к нему самому его собственные же слова.

Из сказанного видно, что может говорить Каутский о нас, большевиках (см. в том же месте). Если он искажает Маркса, то неудивительно, что он искажает также Ленина и большевистскую теорию. Большевики, говорит он, хотят сделать государственный аппарат всесильным по отношению к обществу. Это утверждение в корне противоречит тому, что говорят и делают большевики, ведущие упорную борьбу против бюрократизма. Этот бюрократизм является наследием старого общества и освободиться от него так же трудно, как и от всего старого общества. Но, чтобы вообще от него освободиться, мы сделали для этого все возможное при данной исторической ситуации, и нет того дня, когда бы мы не вели борьбу с этим злом, в котором мы отдаем себе полный отчет. И свое, в корне ложное утверждение на счет того, что якобы всемогущество государственного аппарата представляет для нас цель, Каутский заканчивает словами:

„Ленин сходится с Куновым в том, что оба они видят в расширении функций и полномочий правящей бюрократии сущность нового, более высокого социалистического государства".

Он не только решается подписаться под этой фактической неправдой, но он имеет еще наглость величайшего, теперь покойного вождя угнетенного человечества относить в одну кампанию с Куновым. Когда Каутский писал эти строки, Ленин был тяжело болен, а когда он умер, даже злейшие враги пролетариата склонили свои знамена перед вождем революции; весь мир (даже те, которые его не понимали) был потрясен смертью великого человека. Только „марксист" и „революционер" Каутский отпускает ругательства по адресу величайшего человека нашего столетия.

Разве он не судит здесь самого себя?

Еще несколько слов о том, как „ренегат Каутский" срывает маску с лица ренегата Кунова. В главе „Вотирование бюджета" Каутский рассказывает о том, как Кунов в начале мировой войны был против вотирования кредитов, следовательно, против оппортунизма и как он вскоре же после этого *радикально* изменил свою позицию. Точно так же Кунов был до войны против вотирования кредитов вообще. Естественно, Каутский подчищает это позорное пятно в истории социал-демократии. Он пишет:

> „Вопрос о военных кредитах вызвал резкие разногласия во всей социал-демократии. Но разногласия коренились в различном понимании сущности разразившейся войны и не

были связаны с тем, что одни остались верны своим взглядам, а другие им изменили".

Он прав! Они остались себе верны. Они были оппортунистами и оппортунистами остались.

„И поэтому обе группы партии, как только миновала война, снова слились в один организм, который они составляли до войны".

Какого свойства это единство, об этом мог бы кое-что рассказать Пауль Леви. Это единство не только простирается от Носке до Леви, но и от Каутского до Кунова. Все они сидят в одной партии и с полным правом. Все они принадлежат к одной партии, к германской социал-демократии, к партии измены. И если они переругиваются друг с другом, называют друг друга вульгарными марксистами, выбалтывают свои секреты, то это они делают не потому, что одни отворачивается от измены других, а лишь потому, что одни хотят проделать более основательно дело измены, чем другие. Они достойны друг друга и той партии, в которой они сидят.

Брошюра сопровождена „приложением", посвященным теоретически-социологическому вопросу об „обществе и общине" (Gesellschaft und Gemeinschaft). На этом вопросе, имеющем известное теоретическое значение, мы, естественно, не можем останавливаться в этом предисловии, которое не может быть обширным. Мы заметим лишь, что и здесь Каутский открывал много искажений, сделанных Куновым. О глубине же его собственных рассуждений можно судить по следующему выдвигаемому им положению: „обществами являются: орды, кланы, род, община-марка, *государство*".

Из органа классового общества, как трактует государство марксизм, оно превращается у Каутского *в общество*. Кунов был не так уж неправ, когда назвал Каутского вульгарным марксистом. Он ошибся лишь постольку, поскольку и себя не причислил к этому же званию.

Ladislaus Rudas.

Moskau, den 14 März 1924.

I. Социал-демократия и понятие государства.

Мировая война с ее последствиями привела социалистическое движение передовых стран к новой фазе. Эта фаза характеризуется тем, что для социалистических партий необходимость ведения пропаганды отступила на задний план перед необходимостью принять участие в государственной жизни, принять участие не столько в целях одной лишь оппозиционной критики, сколько в целях положительной работы в деле управления государством. Если это участие социал-демократии невозможно пока еще в такой форме, чтобы она сделалась единой правящей партией, то все же она может быть такой партией, которая либо примыкает к государственной коалиции, либо готовится к тому, чтобы в ближайший срок взять в свои руки власть, опираясь на неудержимый рост влияния пролетариата. Указанный выше момент рано или поздно должен наступить в каждой капиталистически-индустриальной стране. Неизбежное наступление такого момента ускорено в громадной мере страшным социальным потрясением, вызванным мировой войной.

Этим самым вопрос о принципиальном отношении социал-демократии к государству сделался вопросом первостепенной важности и естественно, что она стала заниматься этим вопросом в гораздо большей мере, чем это имело место до войны. Масса новых практических данных из этой области ждет своей систематизации; ряд проблем, связанных с вопросом о государстве, либо всплывает впервые, либо представляется теперь в новом свете. Естественно, что при таком положении каждая партия, которая придерживается марксизма, ставит себе вопрос: как смотрели на государство Маркс и Энгельс? Понятно, марксисты не обязаны воспринимать слепо как неоспоримую истину, все, что говорили их учителя. Но Маркс и Энгельс были такими мыслителями-гигантами, что постепенное изучение их уясняет нам не только те вопросы, где наши и их взгляды сходятся, но и те,

где мы по тем или другим причинам не всегда можем следовать за Марксом и Энгельсом. Ибо их глубокая эрудиция и строгая последовательность всей их системы делают затруднительным усвоение каждого отдельного положения вне общей связи. И кто хочет критически выступить против них, тот должен сначала усвоить полностью всю систему их взглядов.

Если это требование обязательно для всякого, кто занимается социальными проблемами, то тем более такое требование надо предъявлять к самим марксистам. Ибо марксистское мировоззрение есть крепко построенное здание, где ни один камень не может быть вынут и легко заменен другим. Развивая каждую новую мысль, мы, марксисты, должны поставить себе вопрос: можем ли мы без противоречия включить ее во всю нашу систему? Если это невозможно, то мы должны выяснить, кроется ли ошибка в этой отдельной новой мысли, или в системе в целом.

Само собой понятно, в нынешней дискуссии об отношении социалистических партий к государству должен большую роль играть вопрос о том, какой точки зрения здесь придерживались Маркс и Энгельс. Однако на этот вопрос не так-то легко ответить: оба они нигде не дали законченного и систематического изложения своих взглядов по данному вопросу.

Взгляды их на государство на протяжении многих лет подверглись изменению; они были изложены в работах, не посвященных специально этому вопросу, и были формулированы в виде точно отчеканенных, но все же коротких и не исчерпывающих вопроса о государстве замечаниях.

Поэтому нужно приветствовать тот факт, что Генрих Кунов принялся за изложение целостного учения Маркса о государстве и обществе [1]) с целью заполнить пробел, существующий в этой области марксистской литературы.

То, что он при этом не ограничился одним лишь изложением, но выступил и с критикой Маркса, Энгельса и их учеников там, где он считал это нужным, не является еще само по себе ошибкой. Ни один самостоятельный мыслитель не смог бы поступить иначе. Но само собой разумеющимся при этом требовании должно быть, чтобы изложение учения самого Маркса было безусловно точным.

---

[1]) Die Marxsche Geschichts-Geselschafts—und Staatstheorie. Grundzügen der Marxschen Soziologie. Berlin. Vorwärts. 1 Bd. 1920, II Bd. 1921.

Когда противники Маркса принимаются за критику его, то это им удается легко только потому, что они у него вычитывают те мысли, которых у него нет. Все его мышление настолько разнится от их взглядов, что они не могут постоянно следовать за ходом его идей.

Мы в праве были ожидать, что от такого рода недоразумений будет свободно изложение человека, который в течение всей жизни выступал в качестве марксиста в области политики и науки, который в курсе всей марксистской литературы и сам является автором всеми признанных, ценных марксистских работ в области социологии. Целый ряд немецких социалистов были вполне уверены, что в книге Кунова, как в верном зеркале найдет себе отражение то, что в действительности думали Маркс и Энгельс. И я ожидал, что в крайнем случае спорной будет *критика* Кунова, но отнюдь не те части книги, в которых он дает изложение взглядов Маркса и Энгельса. Тем больше было мое изумление, когда я прочитал эту книгу.

II. Марксово понимание государства.

Прежде чем приступить к вопросу о том, соответствует ли действительности изложение Кунова, мы постараемся кратко набросать марксово учение о государстве, как оно изложено в его наиболее зрелых работах, а именно: в отдельных местах «Гражданской войны во Франции» (1871), в его «К критике готской программы» (1875), затем в «Анти-Дюринге» Энгельса (1876) и в его «Происхождении семьи и т. д.» (1884).

Государство, согласно понимания Маркса и Энгельса, не является ни единственной, ни первой формой человеческого общежития. Последнее было налицо еще до появления государства, и некоторые типы этих общежитий уже имели вполне оформленную конституцию, как, например, *родовые* и общинно-клановые объединения (gentil-Markverfassungen), с их законодательной, судебной и исполнительной властью. И то, что отличает государство от этих прежних общественных формаций не есть наличие законов, судов, предводителей на войне, но существование классовых различий и классовых противоречий. Как только в ходе экономического развития появляется в обществе наиболее сильный экономически класс, так начинают расти классовые разли-

Тульская Обл. библиотека имени ЛЕНИНА

чия и противоречия; этот класс овладевает всеми органами общества и превращает их из органов всего общества в органы, задача которых сводится к охранению интересов сильнейшего, т.-е. господствующего класса, в противовес интересам других классов. Народ в целом больше уже не принимает участия в законодательстве, это теперь функции лишь господствующего класса. Только этот класс выбирает судей и должностных лиц, только этот класс вооружен или, в крайнем случае, только этот класс дает командный состав армии. Такая общественная организация, в которой общественные учреждения сделались орудиями в руках господствующего класса, является государством. Государственный аппарат есть аппарат господства. В ходе дальнейшего общественного развития изменялись экономические соотношения сил между классами. Один господствующий класс сходит со сцены, другой угнетаемый и эксплоатируемый класс усиливается, рядом со старыми классами возникают новые. Как бы многообразно тут ни выявлялись классовые противоречия, все же во всей этой борьбе государство играет такую важную роль, что ни один класс не может долго отстаивать свои интересы без того, чтобы не добиваться влияния на государственную власть и чтобы не заполучить ее в конце концов целиком в свои руки. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая», говорит Коммунистический Манифест.

Восходящий и крепнущий наемный пролетариат вынужден точно так же, если он хочет отстаивать свои интересы, начать борьбу за завоевание государственной власти. Но когда ему удастся ею овладеть, он должен будет ее использовать иначе, чем это делали другие классы до сих пор. До настоящего времени низвержение господства одного класса и завоевание у него власти делалось всегда лишь затем, чтобы на место господства одного класса поставить господство другого. Совсем к иным последствиям должен привести переход государственной власти в руки пролетариата. Последний не будет иметь под своим господством другого класса, который он мог бы угнетать и эксплоатировать. Он заинтересован не в том, чтобы создать новое классовое господство, а в том, чтобы использовать государственную власть для создания такого социального строя, в котором не будет больше классовых различий (последнее не надо смешивать с делением по профессиям). И если такое состояние достигнуто, тогда государственные органы теряют все функции

классового господства. Остаются тогда лишь функции управления обществом, в котором нет больше классов. Но такая организация не есть уже государство, а общественное устройство, подобное тому, которое было в догосударственном обществе, но созданное теперь только на бесконечно более высокой основе, в связи с колоссальным развитием разделения труда, науки, производительных сил.

Таковы в основном взгляды Маркса и Энгельса. Я не ставлю сейчас вопроса о том, насколько эти взгляды верны. Это я предполагаю разобрать в отдельной работе, где я разовью мой собственный взгляд на государство. Здесь идет лишь речь о том, вполне ли правильно изложил Кунов Марксово-Энгельсовское понимание государства. Ибо правильное изложение является предпосылкой всякого дальнейшего плодотворного исследования, независимо от того, завершится ли оно одобрением излагаемого учения или критикой его.

III. Маркс, как этик.

Когда мы обращаемся к изложению Кунова, то прежде всего бросается в глаза следующее. Кунов утверждает, что Маркс в своем взгляде на государство покинул точку зрения своего собственного материалистического понимания истории, поскольку он в своей оценке руководствовался этическими принципами.

> «Маркс считает, что государство всегда было организацией господства, орудием классового господства.
>
> Против этой стороны государства возмущается, однако, его политическая совесть, его убеждения как социалиста и партийного борца за интересы современного рабочего класса в его борьбе с буржуазией...
>
> С точки зрения Маркса подавление низших классов государственной властью является возмутительным актом борьбы с освободительными стремлениями этих классов, политической несправедливостью, которой «*не должно быть*» (курсив Кунова); точно так же Энгельс в своем сочинении «Происхождение семьи и т. д.» дает моральную оценку государственным учреждениям (Staatseinrichtungen) и считает, что классового господства не должно существовать: «ибо, что хорошо для господствующего класса, должно

быть хорошо и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет» (стр. 187). Государство подвергается здесь оценке с определенной политической точки зрения». (I. Стр. 308, 309).

Если бы это было верно, тогда Маркс и Энгельс в вопросе о государстве противоречили бы сами себе, а особенно в этом нужно было бы обвинить Энгельса. Однако Кунов не приводит ни одного места из Маркса в доказательство того, что наш учитель в этом пункте сколько-нибудь отступил от законченной последовательности своей системы...

Если бы Кунову было известно хоть одно такое место, то в виду важности вопроса ему стоило бы это место привести.

Сам Энгельс определенно протестовал против приписанной ему здесь «этической оценки государственного устройства» и против того, что он отрицает классовое господство, как нечто этически несправедливое, чего «быть не должно».

Так, например, в своем «Анти Дюринге» он говорит: было бы очень плохо, если бы наша уверенность предстоящего уничтожения современного классового господства основывалась бы только на одном сознании того, что последнее несправедливо. «Средневековые мистики, которые мечтали о близком пришествии тысячелетнего царства, уже имели сознание несправедливости классовых противоречий». И если борьба против современного строя обещает больший результат, чем тогда, то это будет зависеть от высокого уровня современных производительных сил, который делает необходимым то,

«что должен произойти переворот в способе производства и распределения, который устранит все классовые различия, в случае если все общество в целом не хочет погибнуть. В этих ощутительных материальных фактах, которые проникают с железной необходимостью в более или менее ясном виде в головы эксплоатируемых пролетариев, в этих фактах, а отнюдь не в представлениях того или иного обывателя о праве и несправедливости кроется залог победы современного социализма».

Неужели это писал тот самый Энгельс, который согласно Кунову, свое отрицательное отношение к класссовому господству, а тем самым к государству, обосновывал этическими мотивами? Или быть может старик Энгельс (как это бывало и с Гомером) засы-

пал во время своих писаний и в таком сонном состоянии написал вышецитируемое Куновым место (из «Происхождения семьи и т. д.»). Никоим образом. Он писал все это в здравом уме и твердой памяти. Мы можем смело согласиться с приводимой Куновым мыслью Энгельса, поскольку мы знаем, к чему она относится, и что действительно говорит все это место.

В том общем контексте, в котором находится это предложение, исследуется не вопрос о том, должно ли быть или нет классовое господство и государство, а нечто совсем иное.

Энгельс там указывает на то, что развитие цивилизации происходит в форме длительно развертывающегося противоречия, так что каждый шаг вперед в области производства означает шаг назад в смысле ухудшения положения угнетаемых классов. Цивилизация проводит такое различие между правами и обязанностями, что «даже самому тупоумному становится ясно, что в то время, как она одному классу присуждает слишком много прав, другому, наоборот, она присуждает только все обязанности». И вслед за этим стоит цитируемое Куновым место:

> «Этого, однако, не должно быть. Что хорошо для господствующего класса, то должно стать таковым и для всего общества, с которым себя отождествляет господствующий класс». Далее Энгельс продолжает: «Чем более прогрессирует цивилизация, тем более она вынуждена прикрывать мантией любви созданное ею зло, прикрашивать его или отрицать, словом, ввести общепринятое лицемерие, крайней степенью которого является утверждение, что эксплоатация классов эксплоататорами практикуется исключительно в интересах самих эксплоатируемых классов и т. д.».

Мы видим, следовательно, к чему относится предложение «этого не должно быть». Не к классовому господству, а к тому неприятному для господствующих классов факту, что противоречие между их интересами и интересами большинства общества делается «ясным и тупоумному». Что этого не должно быть говорит не Энгельс, а говорят господствующие классы. Они хотят, чтобы все общество одобряло все то, что господствующие классы считают для себя благом. А для этого необходимо отрицать все имеющееся зло, вплоть до последних пределов условного лицемерия. Из этого видно, что выражение «этого не должно быть» и следующее за ним вырывается не *из груди* Энгельса, а

говорится устами *господствующего класса*. И только потому, что Кунов этого не заметил, он считает себя в праве, на основании этой так плохо им понятой фразы *и на основании только ее одной*, бросать упреки Марксу и Энгельсу в том, будто они в вопросе о государстве покинули «точку зрения социалистов» и вместо того, чтобы исследовать законы эволюции государства, судили о государстве, исходя из «партийных пожеланий и надежд».

Не часто случается, чтобы такое тяжелое научное обвинение было бы так абсурдно обосновано.

IV. Маркс, как анархист.

После того, как Кунов столь поразительным образом доказал, как Маркс политик, благодаря своему отрицательному отношению к принудительной силе государства, вступил в *конфликт с Марксом* социологом (стр. 310), и что марксово понимание государства является продуктом не научного исследования, а слепого политического фанатизма, он продолжает:

> «Таким образом, Маркс приходит к такой оценке государства, которая во многом совпадает с оценкой английских либералов конца XVIII столетия и индивидуалистического анархизма, хотя мотивы последних являются совсем иными. Насколько Маркс, а еще больше Энгельс, в своих суждениях о государстве по меньшей мере находились во власти их чисто политической враждебности к принудительной силе буржуазного государства, ясно видно из того, что в их позднейших политических произведениях оценка государства, как некоего активного, самосознающего, официального выражения общества [1]) почти совершенно исчезает, и многообразие государственных учреждений исследуется не с точки зрения их внутренней связи с формой общества, а наоборот, государство оказывается скорее самостоятельным институтом господства, *который один*

---

[1]) В „Нищете философии“ Маркс называет государство „официальным выражением не общества, а отражением классовых антагонизмов внутри буржуазного общества“; (стр. 163). Это есть нечто совсем иное.

(К. К.).

лишь является причиной всех зол общественной жизни» (стр. 309, 310).

(Курс. Кунова. К. К.).

Это сногсшибательное открытие кажется Кунову особенно важным. Но он считает излишним подкрепить его хотя бы единственной ссылкой на другое место у Маркса и Энгельса. Мы не будем разбираться в том, не имеем ли мы и здесь также комического недоразумения, связанного либо с поверхностным чтением текста, либо с грубым непониманием стилистической тонкости.

Мы хотим противопоставить утверждениям Кунова не одно какое нибудь место, а целое произведение «Капитал», в котором система Маркса изложена так, как ни в одном из его трудов. Неужели и там тоже «государству *одному* приписывается все зло общественной жизни?» Разве и там прибавочная стоимость, абсолютное и относительное удлинение рабочего времени, эксплоатация женщин и детей, борьба между машиной и рабочим, вред от тех или иных форм заработной платы, кризисы и т. д. рассматриваются как явления, за которые ответственно государство и к тому оно лишь одно? В «Капитале» лишь немного говорится о государстве. Так мало, что самого этого слова совсем нельзя найти в регистре народного издания «Капитала». Но если не говорить о главе «Капитала», посвященной первоначальному накоплению, где говорится о деятельности государства в более ранние эпохи, если мы остановимся только на тех местах «Капитала», где речь идет о XIX столетии, то там как раз определенно подчеркивается то значение, которое имеет рабочее законодательство государства в целях защиты рабочего класса от разрушительных действий ненасытного капитала и в интересах воспроизводства пролетариата.

И несмотря на этот всем известный факт, Кунов осмеливается без малейшего следа доказательств утверждать, что Маркс всю вину за все зло в общественной жизни приписывает одному государству. Никогда ни один из противников Маркса не извратил так его учения, как это сделал здесь человек, который считается официально признанным защитником Марксова учения. Молодежь, которая хочет усвоить марксистское мировоззрение, сильно повредит себе, если доверчиво отнесется ко всему, что ей повествует о марксизме Кунов.

V. Уничтожение государства.

Кунов все снова и снова возвращается к тому своему утверждению, что:

> «Маркс со своей гипотезой о быстром уничтожении или отмирании государства, которая связана с его полуутопически-анархической революционностью, стоит в противоречии с его собственными социологическими взглядами» (стр. 319).

Эта гипотеза Маркса, по мнению Кунова, несостоятельна. В действительности же, Маркс и Энгельс никогда не строили подобной гипотезы. Чего они хотели в первую очередь—это завоевания государства, а не его уничтожения. В завоевании государственной власти пролетариатом они видели важнейшее средство его освобождения. Неужели в этом заключается их «полуутопически-анархистская революционность»? Во всяком случае, поскольку пролетариат захватил уже власть, он должен, согласно взглядам Маркса и Энгельса, использовать эту власть для того, чтобы уничтожить частную собственность на орудия производства и на землю. Этим самым прекращаются классовые различия и противоречия, и общественная формация принимает совсем иной характер, который совершенно отличается от бывшего до этого государства. Энгельс в «Анти-Дюринге» определенно говорит:

> «Государство не уничтожается, а отмирает» (стр. 302).

Это означает что:

> «Место господства над людьми заступает распоряжение вещами и руководство производственным процессом».

Это есть нечто совсем иное, чем приписываемый Куновым Марксу и Энгельсу взгляд о «немедленном уничтожении государства!»

Можно даже подумать, что Кунов в этом вопросе держится того же взгляда, что и наш учитель, ибо он добавляет:

> «Хотя то государство, которое Маркс имел перед собой, и исчезнет, но новая фаза развития не будет заключаться в том, что капиталистическое государство *отмирает* по мере перехода его функций ко всему обществу, как это изображает Маркс, а место капиталистического государства займет государство более высокого типа, государство, построенное на основе нового обще-

ственного порядка: это будет государство *„социалистического руководства хозяйством и управления“* (der sozialistische Wirtschafts und Verwaltungs-Staat) (стр. 310).

Где именно Маркс говорит, что «капиталистическое государство будет отмирать, по мере перенесения своих функций на общество», здесь не указывается. Очевидно Кунов имеет здесь в виду одно место из «Гражданской войны во Франции» Маркса, место, которое Кунов передает в вышеизложенном смысле (стр. 309), но передает так грубо неверно, что оно теряет свой настоящий смысл. Маркс говорит:

> «Между тем, задача коммуны состояла в том, чтобы лишить старую государственную власть органов исключительно классового угнетения, а общественно полезные функции отобрать от государства, претендовавшего стоять над обществом, и передать ответственным слугам этого общества».

В Куновском изложении в вышецитированном предложении (на стр. 319) опущено, во-первых, различие между функциями «исключительно классового угнетения» и функциями «общественно-полезными», благодаря чему получается противоречие: будто все функции этой власти не только общеполезные, но и «функции классового господства» должны быть перенесены на новое общество. Во-вторых, Маркс вовсе не говорит о перенесении государственных функций на *общество*, что было бы бессмыслицей, а на «слуг общества», что означает совсем другое.

Как надо понимать эти слова, мы видим из письма Маркса к Кугельману от 12 апр. 1871 г. Он там говорит:

> «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «восемнадцатого Брюмера», то ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на *континенте*. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей».

Отсюда видно, что Маркс, говоря о перевороте, произведенном коммуной в государственной системе, нигде не имел в виду уничтожения государства,—и даже самую необходимость

такого переворота ограничивал европейским континентом. А ведь Англия и Америка также являются государствами. Он говорил только о том, что необходимо сломать *бюрократически-милитаристическую* машину, оставшуюся от этой второй империи. И если стремление к этому означает утопизм и анархизм, тогда вся немецкая социал-демократия, разве за исключением одного Кунова, может быть обвинена в утопизме и анархизме.

Но, если не принять во внимание этого различия, то можно действительно заключить из конца вышецитированного предложения, где Кунов говорит о замене авторитарно-бюрократического государства социалистическим управлением, будто он придерживается здесь одинакового взгляда с Марксом и Энгельсом.

Энгельс говорит, что государство в конце концов после завершения социализации производства, будет терять одну за другой свои функции угнетения. Общественная структура примет тогда иной характер, не только характер механизма управления. И как таковая она носит совсем иной характер, чем бывшее до сих пор государство. Ее даже нельзя назвать этим именем.

Кунов здесь снова объясняет:

> «Прежнее государство исчезнет... Его место займет новое, более высокой структуры, государство социалистического руководства хозяйством и управления».

Для него это как будто одно и то же, вопрос заключается лишь в различной терминологии. Хотя Кунов достаточно педантичен, чтоб заниматься и такими вопросами, придавая им величайшее значение. Так, наприм., обо мне он говорит, что я не различаю между словом государство и словом общество, потому, что я слово «общество» «Gesellschaft», употребляю не всегда в том смысле, как его понимает Кунов. Кто, однако, не переоценивает значения подобных вопросов, как они ни были бы значительны, для того безразлично, будем ли мы новый общественный строй, который по единогласному мнению должен занять место теперешнего государства, называть государством или нет. Главное ведь заключается в том, что не будет уже больше «авторитарно-бюрократического государства» («Obrig-

keitsstaat»), как выражается Кунов, а будет лишь организация управления и руководства хозяйством.

А между тем здесь за спиной этих различных обозначений кроется глубочайшее различие в понимании реальных отношений, которые связаны не с далеким будущем, а с нашей жгучей современностью.

VI. Государство и хозяйство.

В главе под названием «Развитие авторитарно-бюрократического государства в государство управления» Кунов описывает, как должен по его мнению протекать этот процесс. Эта эволюция происходит под влиянием факторов, которые обнаружились еще при жизни Маркса и Энгельса в середине прошлого столетия, которые сперва усиливались лишь медленно и постепенно, а затем проявлялись все сильней и сильней. Однако эти факторы, которые придают хозяйству и государству совсем новый характер, не были подмечены ни Марксом, ни Энгельсом.

Одним из этих факторов Кунов считает появление громадных предприятий в индустрии и прогрессирующее развитие картелей и трестов. Вследствие этого прекращает свое существование «общество свободных производителей», которое служило Марксу объектом наблюдений.

> «Прежнее индивидуально-частное хозяйство превратилось в кооперативное, т.-е. в общественно-производительное хозяйство, в *коллективное предприятие* (курс. Кунова. К. К.), пользуясь часто употребляющимся сейчас, но не совсем точным выражением,—это хозяйство в значительной степени уже *социализировано*» (315) (курс. Кунова).

К этому присоединяется еще то, что крупные предприятия акционируются, благодаря чему происходит «отделение собственников от собственности и превращение последних только в рантьеров (держателей акций)» (стр. 316). С другой стороны, «частное капиталистическое предприятие нередко принимает характер предприятия с общественными функциями», так, напр., частные железные дороги, пароходные общества и т. д.

Наконец, место индивидуального условия найма заступают коллективные договора.

Вместе с этим, согласно Кунову, изменился совершенно и характер государства. Оно постепенно берет все больше в свое ведение «крупные предприятия, удовлетворяющие общественным потребностям—почту, железные дороги, омнибусный и автомобильный транспорт, водный транспорт, пароходные пристани, рудники, шахты, фабрики амуниций и оружия и т. д.» и влияет на хозяйственную жизнь системой пошлин, торговых договоров, регулированием сообщения по каналам и рекам, проведением каналов, железнодорожными тарифами, государственными субсидиями, устройством технических школ и т. д.

> «Таким образом давно уже государство не является тем, чем оно было в XVIII и начале XIX столетия, когда оно представляло из себя лишь организацию обороны и классового государства с его бюрократическим аппаратом управления, стоящим на-страже династических и сословных интересов; оно представляло из себя организацию, которая в этой деятельности видела свою единственную задачу и смотрела на хозяйственную жизнь, поскольку дело не шло об увеличении налогов, как на нечто, лежащее вне сферы управления. Из полицейско-административного государства оно все больше превращается теперь в государство управления, в большое хозяйственное сообщество» (стр. 317).

«Государство не только энергично, вмешивается в жизнь хозяйственных предприятий, но вторгается также в сферу права отдельной личности и семьи», так, напр., оно берет на себя заботы о сиротах, детских площадках и т. д. (стр. 318).

> «В связи с этим развитие государства приняло иное направление в сравнении с тем, что думали Маркс и Энгельс, поскольку они находились здесь под влиянием либерально-анархистских тенденций их времени. Государство не делается излишним; оно не передает большую часть своих функций обществу, как думал Энгельс, но, наоборот, оно берет на себя все большее число социальных задач и вследствие этого расширяет сферу деятельности своего механизма» (319).

Так происходит, по мнению Кунова, перерождение полицейско-авторитарного государства в государство управления. Это эволюция совсем другого рода, чем то, что себе пред-

ставляли Маркс и Энгельс. Мы тут видим прежде всего абсолютную неспособность Кунова понять то, что говорили Маркс и Энгельс о государстве.

Если даже допустить, что изложение Кунова верно, то спрашивается, что же оно говорит против того отмирания государства, которое Маркс и Энгельс ожидали в законченном социалистическом обществе? Кунов, конечно, воображает, будто он в набросанной им картине рисует перед нами процесс оформления «государства социалистического хозяйства и управления». Его представление о социализме является весьма странным, ибо он утверждает даже, что благодаря развитию капиталистических картелей хозяйство в значительной мере *социализировалось* и сделалось коллективным.

В том описании процесса экономического развития, которое делает Кунов, это утверждение является тем новым и тем единственно новым, чего Маркс и Энгельс в этом развитии не заметили. И пусть Кунов нас не поучает на счет того, что Маркс ничего не знал о концентрации и централизациии капитала и о превращении капиталистов в рантьеров. Но чего Маркс действительно не знал, так это того, что этот процесс означает собой социализацию хозяйства. Для Маркса он скорей означал кульминационный пункт капиталистической эксплоатации, где концентрация частной собственности на орудия производства в руках лишь немногих капиталистических магнатов приводит все больше к экономической зависимости от нескольких частных собственников не только рабочий класс, но и все общество в целом. Маркс предоставил здесь Кунову честь открытия того, что эта централизация частной собственности, приводящая к господству над обществом одного капиталистического левиафана, означает собой прогрессирующую коллективизацию хозяйства.

Сделанное здесь описание эволюции государства является не менее смехотворным, чем вышеприведенное утверждение. По его мнению выходит, будто во всем XVIII столетии и половине XIX государство совершенно не вмешивалось в хозяйственную жизнь. Как будто его вторжение в хозяйственную жизнь является чем-то совсем новым, является тем характерным фактом, который кладет особый отпечаток на последние десятилетия и уничтожает авторитарность государства.

Неужели ученый историк, знаток теорий государства от Аристотеля до Маркса, не слышал о меркантилизме, о том учении,

которое господствовало в XVII и половине XVIII века и составляло руководящее начало в политике поднимающегося капиталистического государства?

Поскольку в государстве имеется налицо развитая и крепкая бюрократия, она стремится подчинить себе, в целях управления, все стороны общественной жизни, следовательно, и лежащую в основе общества экономику в том числе. Особенно успешно такое подчинение шло там, где благодаря абсолютизму целая страна превращалась в вотчину монарха, который всячески стремился увеличить доходность своего хозяйства, а тем самым и собственное богатство, всеми государственными средствами. Точно так же, власть имущие, в целях увеличения своей экономической и военной силы, пытались путем государственных мероприятий добиться увеличения народонаселения. Устройство государством воспитательных домов не является таким новшеством, которое открывало бы путь к государству социалистического управления, и чаще всего оно практикуется наиболее абсолютистскими и полицейско-авторитарными государствами. Как известно, король Иосиф австрийский и Екатерина II российская прославились устройством приютов.

Но и другие виды государственного вмешательства в экономическую и социальную жизнь, которые Кунов открывает только в конце XIX столетия, отчетливо выступают, уже начиная с XVII столетия вплоть до Великой Французской Революциии, разумеется, в соответствии с уровнем тогдашней техники, следовательно, не в форме организации таких предприятий, каковы железные дороги и автомобильный транспорт. Кунов не упоминает как раз о наиболее важных видах этого государственного содействия своему национальному хозяйству, например: о торговых войнах и колониальных завоеваниях, а также о содействии капитализму через систему государственных долгов, которые играли решающую роль в XVIII столетии.

Все это давным давно известно. Новым лишь является здесь то Куновское открытие, будто полицейское или авторитарное государство перестает быть полицейским государством только потому, что оно всюду сует свой нос в хозяйственную жизнь. До этого, разумеется, в XVIII столетии дело не доходило.

Пока капиталисты были слабы, они охотно предоставляли бюрократии опекать себя, поскольку эта опека соединялась

с содействием. Но чем сильней делался капитал, тем эта опека становилась для него все более обременительной и невыносимой и тем более он восставал против нее. Отсюда ведет свое происхождение либеральный протест против бюрократического насилия, стремление свести государственные функции к защите страны от внешних врагов и к поддержанию порядка внутри страны. Это и есть то самое либеральное учение, которое по мнению Кунова, имело столь отрицательное влияние на Маркса.

Это учение возникло еще в конце XVIII столетия, но господствующим оно стало лишь в половине XIX столетия в связи с победой свободы в Англии. Но и в странах, где господствовало манчестерство, за государством оставались еще всегда многочисленные хозяйственные функции. Например, почта не перешла в частные руки даже в Англии, равно как и право установления тарифов на железной дороге.

Манчестерство никогда не было осуществлено полностью и его господство было чрезвычайно кратковременным.

К концу XIX столетия в передовых индустриальных странах концентрация капитала шагнула настолько далеко, и он стал такой большой силой, что начал подчинять себе государственную власть. В связи с этим лозунг невмешательства государства в хозяйственную жизнь потерял свое значение: государство снова начало практиковать вмешательство в хозяйственную жизнь, заменяя свободу торговли таможенным покровительством, предпринимая колониальные войны и захваты, превращая свои представительства и консульства в иностранных государствах в агентуры отечественной промышленности, участвуя в постройке государственных железных дорог за границей, в проведении каналов и т. д.

Эта новая полоса в деятельности государства так сильно напоминала XVIII столетие, что в этом готовы были видеть отступление назад к превзойденному уже уровню идей, называя это неомеркантилизмом. Между современной и прежней хозяйственной деятельностью государства существует сильнейшая разница. В XVIII столетии государственная власть была независима от капитала; она поддерживала его и содействовала ему. Наоборот, в XX столетии капитал уже господствует над государственной властью, которая вмешивается в хозяйственную жизнь, в его, капитала, интересах.

Это превращение государства из господина в слугу капитала на изысканном языке Кунова называется превращением полицейско-авторитарного государства в государство управления. А так как для него система картелей и государственное хозяйство является не чем иным, как формами социализации, то путь к социализму здесь перед нами налицо. Все это не совместимо со взглядами Маркса и Энгельса на государство, с одной стороны, а с другой—противоречит действительности. Ибо куновская точка зрения основывается на том странном представлении, что манчестерство господствовало якобы в государственной жизни в XVIII столетии и первой половине XIX. Когда государство во время последних десятилетий XIX столетия начинает принимать участие в экономической жизни, то это уже является чем-то неслыханным и доказывает, что капитал приводит нас к новому более высокому типу государства.

VII. Врастание в государство будущего.

И Маркс держался того мнения, что мы в ближайшем будущем будем иметь более высоко развитое государство. Наоборот, превращение же государства в надгосударственную организацию должно наступить в более позднем периоде. Но Маркс мыслил себе путь к этому более высокому типу государства совсем иначе, чем Кунов; то же нужно сказать и об Энгельсе, на взглядах которого было бы излишне здесь останавливаться отдельно.

Удивительно, что Кунов, описывая процесс эволюции в направлении к социализму, большую роль в этом процессе отводит капиталистам и государственной бюрократии, рабочие же, наоборот, почти никакой роли при этом не играют.

> „Как договоры о торговых сделках делаются отчасти коллективистическими (sic!), поскольку совершаются между объединениями производителей и торговыми объединениями, точно так же такими делаются и договоры об условиях найма". (Ст. 315).

К этому надо прибавить еще устройство предпринимателями общеполезных учреждений для рабочих. Кроме того, рабочие часть своей заработной платы получают не как

индивидуальную оплату, а как „коллективную плату, в форме взносов со стороны предпринимателей и государства на лечебницы, богадельни и инвалидные дома.“ (Стр. 316).

Следовательно, по мнению Кунова выходит, что тарифные договора, охрана труда, также как и милостивые подачки предпринимателей рабочим, суть те гарантии для рабочего класса, которые ведут к новому „социалистическому государству управления и руководства“! И тут на первый план преимущественно выступают капиталисты и государственная бюрократия. Рабочие играют при этом совсем пассивную роль.

Во всей этой истории развития социалистического государства нет ни единого звука ни о борьбе классов, ни о завоевании политической власти.

Кунов лишь раз робко об этом напоминает в главе о „Развитии полицейского авторитарного государства в государство управления и руководства“. Он говорит: „беднейшие слои населения могут тогда только притти к пониманию этого“, и лишь тогда эволюция государства будет связана для них с увеличением их благосостояния, „когда они завоюют для себя возможность непосредственного участия в управлении государством“.

Это „участие в управлении государством“ Кунов не выдвигает в качестве цели, при осуществлении которой пролетариат в состоянии успешно защищать свои интересы от концентрированного капитала, а рассматривает его лишь как факт, благодаря которому в пролетариате будут вызваны те психологические условия, которые ему помогут узнать, что вышеописанная эволюция государства настолько хорошо содействует благосостоянию пролетариата, что у него не будет вовсе надобности в завоевании всей государственной власти.

И это он осмеливается утверждать теперь, когда факты один за другим доказывают нам, что пролетариат ни в коем случае не может ограничиваться одним лишь „участием в управлении государством“; для того, чтоб окончательно покончить с экономической диктатурой господ Стиннесов и К°, чтобы противопоставить крепкую плотину стиннесовской социализации хозяйства, нам необходима *вся государственная власть полностью.*

То, что нам возвещает здесь Кунов, проповедывал Мауренбрехер еще до войны, бывший тогда еще социал-демократом.

И еще до 1914 г. я полемизировал против его точки зрения, послужившей ему мостиком к теперешней его позициии. С тех пор Ленч пришел к убеждению, что Стиннес—это призванный вождь процесса врастания в социализм, чего не замечает только пустой „вульгарный марксизм". В „Deutsche Allgemeine Zeitung" он опубликовал 9—10 мая 1922 г. две статьи о книге Кунова под названием „Против вульгарного марксизма". Шефредактор органа Стиннеса пришел там к следующему выводу:

> «Значение этой книги велико и для немецкого марксизма и для немецкой социал-демократии. Тот этап, которого достигла здесь марксистская мысль в области социологии, не может быть не оценен по достоинству. Эта книга поэтому сохранит свое значение не только для научных работников и социологов, но и для каждого глубокого критика, который не держится того мнения, что политика делается парламентским шахер-махерством».

Поистине Кунов мог бы сказать обоим более глубокомысленным политикам, чем «вульгарные марксисты»—Мауренбрехеру и Ленчу:

Я прошусь
включить меня третьим
в ваш союз.

VIII. Борьба за государственную власть.

Маркс совсем иначе, чем Кунов, представлял себе развитие государства в «государство социалистического руководства и управления» (Sozialististischer Verwaltungsstaat). Тенденции к развитию, которые излагает Кунов, Маркс видел так же хорошо как и он. Но Маркс видел не только это, а и обратную сторону медали. Он видел не только капиталистов, но и рабочих. То, что Кунов называет «социализацией» капитала, то-есть прогрессирующую концентрацию и аккумуляцию, Маркс считал причиной прогрессирующего усиления пролетариата и роста противоречий между ним и капиталом, противоречия, которые не могут быть преодолены или даже смягчены ни тарифными договорами, ни рабочим страхованием или «общеполезными учреждениями», сооружаемыми при фабриках.

Борьба между капиталом и трудом—то же, что вооружение великих держав перед войной. Каждая из сторон непрерывно стремится довести до совершенства свое вооружение, и организация составляет ее главное орудие. То одна, то другая сторона попеременно выигрывает, при этом выигравшая сторона далеко опережает побежденную, но это ненадолго,—благодаря улучшению организации побеждает вторая сторона. Исключительно экономическая организация, чисто экономическая борьба не могут подавать надежды на то, что при помощи их одних удастся уничтожить перевес, имеющийся на стороне капиталистов.

Но классовая борьба, согласно Марксу, не может оставаться чисто экономической борьбой, она должна перейти в политическую. Поднимающийся рабочий класс обрушивается не только на экономическую, но и на политическую силу противостоящего ему класса, влияние которого на государственную власть огромно. Положение рабочего класса в этой борьбе далеко не так безнадежно, как в экономической борьбе, ибо государственная власть, по мнению Маркса, родится из классовых противоречий в качестве средства, призванного охранять позиции классов эксплоатирующих и угнетающих. Но государственный аппарат не всегда сливается с господствующим классом. В процессе развития классы, как господствующие так и низшие, все более дифференцируются, и государственный аппарат под влиянием различных обстоятельств становится все больше и самостоятельней.

В борьбе за государственный аппарат пролетариат, непрерывно растущий в процессе капиталистического развития, организуемый и воспитываемый в своей экономической борьбе с капиталом, имеет даже гораздо лучшие перспективы, чем в своей экономической борьбе. Уже хотя бы потому, что ему здесь приходится иметь дело не с одним единственным противником, классом предпринимателей, как это происходит при экономической борьбе, а с многочисленными классами, интересы которых часто перекрещиваются.

Классовая борьба в политической области не представляется нам бесконечным состязанием двух в беге, как это бывает в экономической области, где каждый быстро продвигается вперед, но одинаковым темпом, так что один класс никогда не может перегнать другой, который сделал вначале огромный скачек вперед.

В области политики мы видим постоянное, хотя прерываемое временными поражениями усиление партий рабочего класса за счет буржуазных партий и именно в этом факте, а не в стинне-зировании хозяйства, видим мы, марксисты, залог конечной победы пролетариата.

В конце концов, этот процесс должен завершиться захватом власти пролетариатом. Но тем самым пролетариат, опираясь одновременно на свои экономические и политические организации, выросшие за это время, на школу, пройденную им, и наконец, под действием экономической неизбежности получит перевес над капиталом, а следовательно, и возможность построить вместо капиталистической пролетарскую организацию производства.

Но для того, чтобы оказать воздействие на этот переворот в экономике, необходимо, чтобы и государственный аппарат, завоеванный пролетариатом, был бы соответствующим образом изменен. Мы не можем притти к экономическому самоуправлению, не осуществляя этого и в политической области. Функции правящей бюрократии надо не расширять, а по возможности ограничивать. В этом смысле Маркс в своей готской программе (1875 г.). говорит:

> «Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа стоящего над обществом в орган ему подчиненный.»

Это место, которое отнюдь не говорит об уничтожении государства, а лишь о его преобразовании в духе демократии, составляет одно из тех доказательств, которые дают Кунову новый повод жаловаться на «полуутопический и анархический революционизм» Маркса.

Но как совмещается эта свобода внутри государства и «ликвидация его органов исключительного подавления» (Гражданская война во Франции) с диктатурой пролетариата, которую Маркс объявляет (в вышецитированной критике программы) неизбежным следствием его победы?

Маркс никогда не думал, что капиталисты добровольно откажутся от их экономического господства и источников их власти. Он полагал, что их необходимо принудить к этому, при помощи растущей силы пролетариата и даже силой государственной власти. Но как пролетариат мог бы получить для

этого необходимую силу, раз государственный аппарат не сделается всемогущей силой по отношению к обществу? Это—точка зрения большевизма, которая находится в полном противоречии с положением Маркса о том, что пролетариат должен превратить государство в «орган, подчиненный обществу». Ленин сходится с Куновым в том, что оба они видят в расширении функций и полномочий правящей бюрократии сущность нового, более высокого социалистического государства.

Но не противоречил ли сам себе Маркс в письме о готской программе, поскольку он говорит в ней в начале о вышеупомянутой свободе в государстве, а немногими страницами ниже о диктатуре пролетариата? Нисколько. Маркс, конечно, ожидал сильного сопротивления со стороны капитала, которое может быть сломлено лишь средствами сильной государственной власти. Однако силу эту он искал не там, где ищут большинство защитников сильной государственной власти: не в сильной армии и бюрократии, которые делают государство независимым от населения, от «общества» и поднимают его над ним. Он требовал государственной власти, лишенной институтов непосредственного подавления,—государственной власти, которая вследствие этого хотя и является слабой по отношению к населению, зато сильной по отношению к капиталу, поскольку за этой государственной властью стоит вся масса населения. Если под диктатурой пролетариата понимать власть большинства в государстве, а не брутально-террористическое насильственное господство меньшинства, то тогда это понятие соединимо с идеей о подчинении государства обществу при широком развитии самоуправления, чего требовал Маркс.

Маркс и Энгельс, в результате изучения вопроса и личного опыта борьбы во Франции, Германии и Англии, в различное время по разному смотрели на вопрос о том, как может быть завоевана и как использована политическая власть. Они полагали, что в разных странах в различные периоды этот процесс не будет протекать одинаково: в одном случае он будет происходить более ожесточенно, в другом—более мирно. Лишь на одном они настаивали в продолжение всей своей жизни безусловно: они подчеркивали необходимость завоевания пролетариатом политической власти. Они считали это условие его освобождения абсолютно неизбежным, хотя и не единственным.

Тот, кто хочет изложить и критически осветить точку зрения Маркса на переход от полицейски-авторитарного государства к «государству социалистического руководства хозяйством и управления», должен прежде всего усвоить его взгляд на завоевание политической власти.

IX. Сперва экономическая, а затем политическая власть.

Понятно, Кунов не мог пройти мимо вопроса о завоевании политической власти. Но он берет этот вопрос не в отдельности сам по себе, а в связи с другим вопросом, с вопросом о том, как должен происходить процесс отмирания аппарата государственного управления по мере уничтожения классов. Эти две проблемы в корне различны между собой. Первая является актуальной, а вторая—в высокой степени академического свойства. Между тем Кунов при исследовании этих проблем не отделяет их строго одну от другой и тем самым не может притти к ясному их пониманию. Его занимает, главным образом, вопрос о тех изменениях, которые перетерпела у Маркса идея политической революции. Эти изменения были, по его мнению, очень велики. Сначала Маркс считал, что пролетариат сперва освободит себя экономически и только затем овладеет политической властью. Позднее же он, поддавшись революционным влияниям, стал защищать как раз обратную точку зрения, которую Кунов считает глубоко ошибочной. Но послушаем самого Кунова. Первую из точек зрения, которую он открыл у Маркса, он излагает следующим образом:

> «Исходя из своего взгляда на государство, как на общественный институт, Маркс считал, что капиталистическое общество сначала будет разложено, вследствие образования «ассоциаций» или хозяйственных объединений и благодаря этому потеряет свой классовый характер, и только после того, как государство, как институт господства, потеряет, таким образом, свою основу в обществе, только тогда государственная власть падет в результате *политической революции* и государство превратится в широкое самоуправляющееся товарищество (Verwaltungsgenossenschaft). Следовательно, превращение капиталисти-

ческого общества в «общество ассоциаций» (assoziirte Gesellschaft) должно предшествовать политической революции (стр. 320).

В качестве доказательства этого своего утверждения Кунов цитирует следующее место из «Нищеты философии»:

«Идя по пути своего развития, трудящийся класс заместит старое гражданское общество ассоциацией, исключающей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в общественном смысле, так как политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе».

Кунов далее продолжает:

«Два следующие революционные года с их борьбой за власть все более и более побеждали в Марксе социолога, рассматривающего события sub specie aeternitatis, в нем берет верх оптимист-революционер, а вместе с этим на сцену снова выступает старая, традиционная французская концепция революции: все дело заключается в том, чтобы овладеть государственной властью. Если власть будет в руках, то все беды легко могут быть устранены».

В доказательство этого Кунов цитирует некоторые места из Коммунистического Манифеста, в которых, конечно, нет ни единого слова о том, что пролетариат, как только он овладеет государственной властью, «*легко* может устранить все зло общественной жизни». Это «*легко*» есть поэтическая вольность Кунова. В цитируемых им местах говорится лишь о необходимости для пролетариата завоевать политическую власть и использовать ее за тем, чтобы *шаг за шагом* вырвать у буржуазии весь капитал (alles Kapital). В Манифесте ни слова нет о том, легко ли это или трудно.

На основании Коммунистического Манифеста Кунов заключает:

«Социологическая точка зрения представляет из себя нечто противоположное тому, что имеется в вышеприведенном месте из «Нищеты философии» Маркса. В последней, сначала в результате социальной революции, происходит уничтожение классового деления общества и уже *вслед за этим*, так как рушится уже базис старой государственной власти, происходит ее политическое завоевание.

В Коммунистическом же Манифесте, наоборот, сначала происходит завоевание государственной власти, затем путем применения этой власти производится переворот в капиталистическом способе производства, а уже путем преодоления его происходит в дальнейшем этапе уничтожение классовых противоположностей и затем ликвидация класса вообще» (стр. 321).

Ход мыслей Коммунистического Манифеста здесь в общем воспроизведен правильно. Но здесь нужно, однако, прежде всего спросить, как нужно понимать ту мысль, что сначала уничтожаются классовые противоречия и затем только самые классы. Поскольку существуют классы, должны быть классовые противоречия. Первые могут исчезнуть только вместе с последними, но это между прочим. Нас же интересует здесь то утверждение, что в «Нищете философии» о политической революции говорится нечто *совершенно противоположное* тому, что сказано в Манифесте.

Это утверждение является столь же удивительным, как и новым, и поэтому оно заслуживает серьезного разбора.

Здесь мы наталкиваемся с самого начала на хронологические затруднения. Взгляд Маркса на завоевание политической власти, который изложен в Коммунистическом Манифесте, должен явиться как бы результатом радикализирующих влияний обеих революций 1848 и 1849 г.г. Но ведь известно, и Кунов не мог этого забыть, что Коммунистический Манифест не был написан во время или даже совсем после революции, а перед ней, еще в 1847 г. — *в том самом году*, когда появилась «Нищета философии» и когда Маркс и Энгельс вступили в союз Коммунистов. Этим самым уже с самого начала отводится утверждение о том, будто это влияние двух годов революции побудило Маркса писать в Коммунистическом Манифесте противоположное тому, что он изложил в «Нищете философии». Если он действительно сделал такой головокружительный прыжок, то тогда это могло случиться только лишь в течение немногих недель в 1847 г. и притом без всякого повода.

Если делать подобное допущение, то оно должно быть обосновано такими цитатами, которые отчетливо выражают ту мысль, каковую Кунов подсовывает Марксу.

На чем же основывает Кунов свое утверждение? Исключительно на одной только фразе из «Нищеты философии», которая

взятая сама по себе, может дать повод к различному толкованию. Все дело зависит от контекста, в котором она находится.

Согласно Кунову, Маркс в «Нищете философии» ожидает, что рабочие будут основывать хозяйственные ассоциации и именно с определенной целью, чтобы этим самым уничтожить классы. Если бы это им удалось, тогда бы они могли перейти к завоеванию политической власти.

Глава из «Нищеты философии», в которой находится вышецитированное место, носит название: «Стачки и коалиции рабочих». Во всей главе нет ни одного слова об основании отдельных хозяйственных товариществ. Организации рабочих, которые Маркс там называет неизбежными, это—не мирные товарищества, а боевые профсоюзы, которые он называет тем же словом «ассоциации», т.-е. сообществами, и задачи которых состоят не только в экономической, но и в политической борьбе. Маркс полемизирует здесь против современных ему социалистов, как, например, оуэнистов, которые ничего не хотели знать о коалициях и политике и стремились к освобождению пролетариата путем организации товариществ и социалистических партий [1]), и противопоставляет этим попыткам борьбу пролетариата против капиталистов.

> «В этой борьбе,—а это есть подлинная гражданская война,—соединяются и развертываются все элементы для грядущего боя. С этой стороны *ассоциация* принимает политический характер...
>
> Интересы, которые защищает масса, делаются классовыми интересами. А классовая борьба есть борьба политическая».

Именно так буквально гласит Коммунистический Манифест. Все это, разумеется, отнюдь не похоже на совет организовывать хозяйственные товарищества, чтобы экономически вырвать почву из под ног буржуазии.

Маркс дальше показывает, что классовая борьба буржуазии находит свое завершение в низвержении феодального господства и монархии. Также и классовая пролетарская борьба должна привести к ликвидации старого общества.

---

[1]) Очевидно тут опечатка. Надо полагать, здесь имелось в виду „без социалистических партий". Переводчик.

«Антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовой борьбой, являющейся на крайней степени своего напряжения всесторонней революцией. Да и удивительно ли, что общество, основанное на *противоположности* классов, приходит, в конце концов, к грубому *противоречию*, к физическому столкновению людей?

Не говорите, что социальное движение исключает политическое. Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. До тех же пор, накануне каждого полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет:

«*Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса*».

В вышеприведенной цитате всякий, кто знаком с ходом мысли «Коммунистического Манифеста», признает его воспроизведение. Это место является формальным возражением Кунову, приписывающему Марксу ту мысль, что сначала экономическая эволюция приводит к уничтожению классов, а затем, после успешного завершения этого процесса, политическая революция устраняет государство. Политическая и экономическая борьба, экономическая эволюция и политическая революция были для Маркса—автора «Нищеты философии»—так же тесно связаны друг с другом, как и для Маркса—автора «Коммунистического Манифеста». Противоречие между двумя этими текстами было по существу дела совершенно немыслимым, так как куновское предположение о том, что их один от другого отделяет революция, не соответствует действительности. Оба произведения являются продуктом одного и того же года, одной и той же политической ситуации. Приведенные цитаты указывают, вне всякого сомнения, на внутреннее совпадение смысла обоих документов.

Теперь читатель может видеть, как он должен понимать то место, на котором основывается в своих выводах Кунов, приписывая Марксу свои собственные построения. Это место у Маркса говорит не о пути, который ведет к социалистическому обществу, не о том, должны ли сначала основанные ассоциации

привести к уничтожению классов и затем к политической революции, ибо Маркс после того, как он говорил об освобождении угнетенных классов, спрашивает:

«Значит ли это, что после краха старого общества должно возникнуть новое классовое господство, которое находит свое завершение в *новой* политической власти?»

Здесь, таким образом, предполагается, что *старая* политическая власть уже ниспровергнута и ставится вопрос лишь о том, что должно получиться в результате этой совершившейся политической революции? На это Маркс отвечает, что в результате этого не должно возникнуть никакого нового классового господства. Маркс продолжает:

«Предпосылкой освобождения рабочего класса является уничтожение всех классов».

А затем следует то место, на которое Кунов ссылается:

«Рабочий класс, в ходе своего развития заменит старое буржуазное общество ассоциацией, которая исключает классы и противоречия. И никакого собственно политического насилия не будет более, ибо политическое насилие есть официальное выражение классовых противоречий внутри буржуазного общества».

После всего сказанного нам не нужно много распространяться о том, что речь идет не об уничтожении классов путем организации хозяйственных ассоциаций и о наступающей за этим политической революции. И если начинающуюся после переворота замену «старого буржуазного общества» «ассоциацией» Кунов пытается истолковать, цепляясь за самое слово «ассоциация», как ниспровержение капитализма путем основания товариществ, то тогда остается ему указать на «Коммунистический Манифест», где также говорится об ассоциации, как цели развития рабочего класса. Там революция изображается следующим образом:

«Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется как класс, путем революции становится господствующим классом и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и условия

существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство.

Место старого буржуазного общества с его классами и антагонизмом классов займет ассоциация, в коей свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех».

Для сравнения здесь следует процитировать еще раз то место из «Нищеты философии», на которое ссылается Кунов:

«Рабочий класс в ходе своего развития заменит старое буржуазное общество *ассоциацией*, которая исключает классы и их противоречия».

Мы видим, что в «Коммунистическом Манифесте», *почти буквально* развиваются те же мысли, как и в «Нищете философии». Если Кунов вычитывает из «Манифеста» «почти обратное» соответствующему месту в «Нищете философии», то он допускает этим одно из самых вопиющих извращений, какое только знает литература.

Быть может, мы потратили слишком много места для доказательства несостоятельности куновских утверждений, принимая во внимание слишком краткую и слабую аргументацию самого Кунова.

Если бы Маркс был настолько наивен, что допускал бы возможность для рабочих уничтожить «классовое деление общества» (Klassenschichtung) путем основания хозяйственных ассоциаций (Wirtschaftst-Genossenschaften), то какой бы смысл затем имела сама политическая революция? В самом деле, сначала хозяйственные ассоциации приводят к исчезновению и класса пролетариев и класса капиталистов, а после того, когда это удается, пролетарии восстают, чтобы вырвать у капиталистов государственную власть. Пусть Кунову это кажется мудростью «социолога, рассматривающего события sub specie aeternitatis», мудростью, которая, к сожалению, была утеряна Марксом, когда злой гений революционного практика погубил в нем доброго социолога. Однако я думаю, что большинство читателей согласятся с моим мнением, что эта глубокая мудрость при ближайшем рассмотрении оказывается такой тупостью, на какую Маркс никогда не был способен.

X. Вотирование бюджета.

Кунов в своем изложении грубейшим образом искажает ход мыслей Маркса. Но о чем это говорит? О том, что он тем самым искажает последовательность своих собственных мыслей.

Он говорит, что Маркс в «Коммунистическом Манифесте» требовал еще уничтожения государственной власти, но отказался от этого требования в 70-ых годах (стр. 337). Это утверждение столь же неосновательно, как и выше рассмотренное, и было бы утомительно еще раз опровергать все это. Необходимо здесь еще указать на то, что Кунов упрекает «теоретиков новейшего вульгарного марксизма» в том, что они не заметили этого отказа.

> «В своем анархическом нигилизме по отношению к государству они теоретизируют... на счет того, что государство является злейшим врагом рабочего класса; как во время войны осажденного неприятеля стараются отрезать от продовольствия, которое могло бы отсрочить его сдачу, так не надо поддерживать и государство путем вотирования ему кредитов, ни стараться продлить его существование, путем проведения ряда радикальных реформ.
>
> Если просмотреть социал-демократические издания, газеты и протоколы партейтагов за последнее десятилетие, то мы убедимся, что за этот период аргументация строилась именно таким образом. Кратко и выразительно развивает это Карл Каутский в статье о бюджетном праве» (1907—1908 г.) «Heft 49 der Neuen Zeit».

В этой статье между прочим находим следующее место:

> «Нашу задачу мы видим в том, чтобы завоевать государственную власть и превратить ее из органа господствующих классов в орган угнетенных, из орудия угнетения в средство освобождения. Под этим углом зрения нам надо определить наше отношение к государственному бюджету. Так как государство является чем-то вроде крепости, которую мы хотим взять, то мы не должны во время этой осады сами доставлять ей провиант, а так как мы хотим мобилизовать по возможности большие массы населения для штурма крепости, нам нужно избегать всего того, что могло бы дать государству надежду *ожидать чего-либо хорошего от этой осады*. По этим двум причинам нам необходимо всем

без исключения *существующим правительствам* (в оригинале у меня подчеркнуто, Кунов же курсив опустил) отказывать в вотировании бюджета» (стр. 82).

Таким образом, требовать превращения государства в средство освобождения и рассматривать его в качестве крепости, от осады которой мы с 1907 ничего хорошего не ожидали, и которую мы стремились лишить провианта,—все это по Кунову—нигилизм по отношению к государству. Своим курсивом, который Кунов опустил, я хотел отчетливо подчернуть, что здесь идет речь не о государстве вообще, а лишь о *современном государстве*.

И столь же основательным является утверждение Кунова на счет того, что мы склонны были отклонить «радикальные реформы», дабы этим не продлить существование государства.

Доказательство этого он видит, между прочим, в воззвании с.-демократической фракции 1784 г., в котором она говорила, что мы как «принципиальные противники господствующей государственной системы (а это было во время исключительного закона против социалистов!) отказываем ему в средствах, поддерживающих его существование и силу, поскольку мы голосуем против каждого нового налога, против табачной монополии и каждый раз против всего бюджета в целом».

Новые налоги и табачная монополия для Кунова равносильны «оздоровляющим реформам», а господствовавшая в 1884 г. государственная система, давшая нам закон против социалистов, отождествляется для него с государственной системой вообще. Тот, кто применял против государственной власти, издавшей закон против социалистов, самое сильное средство борьбы сопротивления, оказывается—во главе с Энгельсом!—в лагере «вульгарных марксистов» и сторонников «полуанархического, нигилистического отношения к государству».

Затем Кунов ссылается еще на одну мою статью из Neue Zeit, X, 2, в которой я выясняю различия, существующие между государственным социализмом и социализмом пролетарским и высказываюсь против первого. Кунов не приводит полностью моей аргументации оттуда. Я позволю себе поэтому процитировать из этой статьи полностью несколько важных мест:

«Не каждое вмешательство государства в хозяйственную жизнь можно назвать государственным социализмом.

Этот термин подходит только для такого вмешательства, которое имеет задачей ликвидировать классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией и достигнуть «социального мира» и «примирения общественных классов» таким путем, что *сильная монархическая государственная власть, стоящая над классами и независимая от них*, каждому воздает должное.

Это вмешательство должно сделать излишним для пролетариата защиту своих интересов им самим; он должен тем самым охрану своих интересов доверить государственной власти». (708).

Это я подкрепляю ссылкой на Родбертуса, а затем следует место, единственное из всего контекста, которое Кунов цитирует буквально:

«Государственные социалисты хотят, чтобы национализация хозяйственных предприятий и функций была проведена сильной государственной властью, которая стоит на почве капиталистического строя и является независимой от рабочего класса».

Здесь Кунов обрывает цитату, которую я продолжаю дальше:

„*При таких условиях* национализация, независимо от всяких благих пожеланий, которыми при ней руководятся, неизбежно сведется к фискальной эксплоатации...

Наоборот, социал-демократия стремится к передаче хозяйственных предприятий в руки такого государства, которое стоит на службе интересов пролетариата. Отдельные случаи национализации должны содействовать не поддержке существующего способа производства, а его уничтожению. Производство государства для его собственного потребления не только не должно быть фактически исключено, как это мы видим у Ротбертуса, а наоборот, должно быть организовано в первую голову. Так, национализация не может быть национализацией в фискальных целях, ибо подвергавшиеся до этого эксплоатации будут иметь в своих руках теперь государство, а следовательно, и фиск (ст. 709).

Тем не менее, нельзя отрицать того, что существуют отрасли хозяйства, на которых национализация может

быть в интересах пролетариата распространена даже *при современных политических условиях Германии* (писалось в 1892 г.). Это относится к отраслям, в которых насчитывается немного рабочих, вследствие чего переход их под власть государства не будет иметь значения; к отраслям, национализация которых вряд ли принесет существенные выгоды государству, вследствие чего его интерес к эксплоатации их в фискальных целях не может иметь места. Это относится, с другой стороны, к отраслям, которые уже теперь являются монопольными и уже теперь беспощадно эксплоатируются, вследствие чего национализация их не может уже привести к какому-либо ухудшению, а наоборот, лишь к улучшению; наконец, это относится к областям, с которыми в такой степени связано благосостояние всего населения в целом, что даже в наших условиях полуабсолютизма можно ожидать такого давления на государство общественного мнения, которое не допустит их чрезмерной эксплоатации в интересах фиска» (711, 712).

Что в этих строках заключается такого, от чего бы я должен был отказаться теперь, спустя целое поколение? Что можно тут истолковать, как стремление воспрепятствовать «оздоровляющим реформам», где здесь «полуанархический нигилизм по отношению к государству»? Нигде я не выступаю против государства, как такового, а требую лишь всегда, чтобы оно было поставлено на службу интересам пролетариата. Я выступаю лишь против укрепления существующей сильной монархической власти и наших «полуабсолютистских порядков».

Реакционеры всегда охотно разыгрывали из себя «единственных защитников» государства и каждую оппозицию против их линии объявляли, как нечто враждебное «стране и государству». С тех пор как Кунов вместе с Ленчем сделался, милостью ноябрьской революции, профессором, он считает себя обязанным также употреблять и тот «государственный» жаргон, который считается приличным большинством его факультета.

Однако, на основании чего я утверждаю, что Кунов неверно излагает даже его собственную точку зрения? Я чувствую себя в праве это заявить на основании того, что он теперь называет «полуанархическим нигилизмом по отношению к государству» теоретиков новейшего вульгарного марксизма,

а десять лет под ряд он сам работал в том же направлении. с осени 1905 г. редакция берлинского «Форвертс'а» была главным застрельщиком того направления в споре, которое выступало против вотирования бюджета. На ряду с Гильфердингом, Штребелем, Доймигом к этому направлению принадлежал и Генрих Кунов, в качестве одного из наиболее активных его сторонников. Если он теперь изображает отклонение госбюджета, как нигилизм по отношению к государству, и как акт, способствующий уничтожению государства, то он вступает в противоречие со своим собственным прошлым, которое он тщательно скрывает. Тот, кто знаком с Куновым лишь по разбираемой теперь нами его книге, никогда не подумает даже, что автор ее на протяжении целого десятилетия стоял в авангарде боровшихся против вотирования бюджета,—до самого начала мировой войны, когда он требовал отклонения бюджета в наиболее крайней форме, в форме отказа в военных кредитах.

От Кунова также мало можно узнать верного о Кунове, как и о Марксе. Вчерашний и сегодняшний Кунов—это две совершенно различные вещи. Между обоими лежит целая пропасть, которая образовалась тогда, когда Кунов, который раньше самым решительным образом выступал против вотирования военных кредитов, двумя неделями позднее столь же решительно начал осуждать их отклонение.

И только один Ленч пошел той же дорогой.

Вопрос о военных кредитах вызвал резкие разногласия во всей соц.-демократии. Но разногласия коренились в различном понимании сущности разразившейся войны и не были связаны с тем, что одни остались верными своим взглядам, а другие им изменили. И поэтому обе группы партии, как только миновала война, снова слились в один организм, который они составляли до войны.

Лишь немногие порвали с их прошлым, среди них в первую голову Кунов и Ленч.

Но между обоими есть и разница. Кунов имеет научное прошлое. Благодаря своему марксистскому методу он в качестве этнолога и социолога создал ряд крупных работ. От этого своего прошлого ему нечего отказываться. Он остается ему верным. Что же касается активной политики, прежде всего его позиции по отношению к государству, то в этой области он ничего не хочет знать о своем прежнем марксизме.

Ему тем легче отказаться от последнего, что эта сторона его деятельности скрыта за спасительной для него анонимностью его редакторства в газете.

Так образовался глубокий разрыв в самой основе его теперешней деятельности. До войны она была гармоничной, согласованной с его коллегами и единомышленниками, с которыми он два десятилетия работал вместе без единого слова критики по их адресу, а теперь он их презрительно шельмует кличкой «вульгарных марксистов». Главное же, что в его деятельности не было раньше противоречия с самим собой. Наоборот, теперь его большая марксистская эрудиция, использованная им для исследования прошлого, резко протестует против грубого непонимания марксизма там, где дело идет о том, чтобы руководствоваться этим методом в понимании настоящего и будущего.

Это кричащее противоречие характерно и для разбираемой книги.

Вообще говоря, она отнюдь не лишена ценности. Кунов весьма знающий и умный человек, хотя и склонен к наставническому педантизму и полемическим грубостям. В его труде можно найти массу материала огромной ценности. Особенно по вопросам этнологии и социологии. Но чем ближе он подходит к разрешению тех вопросов, которые имеют актуальное значение для нашей современности, прежде всего, например, к проблеме государства, все меньше его работа делается удовлетворительной и внушающей доверия. Вместо путеводного фонаря перед доверчивым читателем мелькает здесь блуждающий огонек, который тащит его в болото.

Я надеюсь, что мне удалось показать не только то, как извратил Кунов марксово ученье о государстве, но и показать, каково на самом деле это учение.

XI. Изменение взгляда Маркса на революцию.

Конечно, мы не можем ограничиться этим одним изложением Марксова учения. Мы должны проверить на опыте правильность идей Маркса и затем уже изложить нашу собственную точку зрения на вопрос. Но это требует специальной работы, которой мы не можем здесь заниматься.

За эту работу принялись уже многие, как, напр., Макс Адлер в своей книге о «Staatsauffassung des Marxismus»

(Wien, 1922). Надеюсь, что я буду скоро в состоянии изложить более обстоятельно мою точку зрения на этот вопрос. Исследования такого рода тем более необходимы и неотложны, что само государство находится в состоянии постоянной эволюции. А в связи с этим неизбежно изменяются и наши взгляды на революцию и на те методы, при помощи которых должна быть завоевана государственная власть и достигнуто освобождение пролетариата. Взгляды, которые развивали Маркс и Энгельс по этому вопросу, очень сильно изменились на протяжении их жизни. В этом Кунов прав. Но он видит изменение их взглядов совсем не там, где оно есть на самом деле.

Маркс и Энгельс были революционерами в области политической борьбы с самого начала их социалистической деятельности. Завоевание государственной власти было для них обоих исходным пунктом развития по пути к социализму. То и другое было для них всегда неразрывно связано. Не только в «Нищете философии», «Коммунистическом Манифесте» 1847 г., но уже и в «Критике гегелевской философии права» 1843 г., Маркс писал:

> «Не радикальная революция—утопический сон для Германии, не общечеловеческая эмансипация, а скорей частичная, исключительно политическая революция... Когда все внутренние условия будут выполнены, день немецкого воскресения из мертвых будет возвещен криком галльского петуха».

Иными словами: не создание ассоциаций, а французская революция должна указывать путь германской революции. Точно так же и Энгельс в 1845 г. в своем «Положение рабочего класса в Англии» утверждал, что чартистское движение должно привести к революции немедленно и неизбежно.

Революционные события 1848 и 49 г.г. не поколебали революционных ожиданий наших учителей. Наоборот, мы сами ощущаем теперь, какое действие оказывает всякая революция. Она подымает массы, которые были до сих пор несознательными, она будит в них интерес к политическим и социальным вопросам, и это влияние не пропадает бесследно и после того, как утихают революционные бури. У народных масс после неудачной революции может наблюдаться первое время упадок духа. Но все же они становятся более политически и социально

сознательными, чем они были до революции. И как только они преодолевают отрицательные последствия контр-революции, они с еще большей энергией и большой сознательностью вступают в политические и социальные бои.

Но совсем иначе влияет революция на тех, которые с нетерпением ее ожидали, которые за нее боролись и которые вступали в нее, как определившиеся уже революционеры. Они часто бывают разочарованными ее исходом. По большей частью они представляют себе решение проблемы революции более легким и от революционных классов ожидают больше того, что те могли совершить. Разница между ожидавшейся и фактической революцией существует также и для революционера трезвого, свободного от иллюзий, как есть разница между теорией и практикой, между абстракцией и конкретной дествительностью. Ведь правильно построенная абстракция отвлекается неизбежно от отдельных частных отклонений.

Нет такой революции, которая бы не разочаровала тех, которые вступают в нее как революционеры и которые ждут от нее чего-то совсем иного, чем то, что получается от нее на первое время. Революция меньше всего в состоянии сделать этих людей более радикальными. Наиболее слабые из них, особенно если их убеждения не столько научно обоснованы, а базируются на простом только чувстве, бросают оружие и переходят либо в лагерь контр-революции, либо теряют веру во всякую общественную деятельность и возвращаются к частной обывательской жизни. Другие становятся на некоторое время более левыми, т.-е. они переходят к актам отчаяния, пытаясь насильственно толкать к действиям отвернушиеся от них массы и вернуть изменившее счастье. При этом они либо погибают, либо вследствие этих ложных шагов, не менее чем слабые элементы, разлагаются и катятся вниз.

Лучшие элементы остаются верными революции. Тот факт, что революция не оправдала всех их ожиданий, не заставляет их отказаться от нее, либо сделаться более радикальными. Она влияет на них отрезвляюще, освобождая их от иллюзий. Они снова подвергают исследованию факты, из которых исходили, сопоставляют их с новыми данными и подготовляют таким образом возможность того, чтобы более созревшие массы начали успешно новую борьбу, как только они будут в силах побороть контр-революцию.

В такой фазе находимся мы в данный момент, в таком положении находились после 1848 г. Маркс и Энгельс. Они подвергли радикальному пересмотру революционные надежды, которые они питали с 1843 г. Они рассчитывали на немедленную пролетарскую революцию в Англии, надеялись на буржуазную революцию в Германии, которая должна была быть лишь непосредственной прелюдией пролетарской революции (см. «Комм. Манифест»). Напротив, уже осенью 1850 года Маркс, обращаясь к рабочим, говорил:

> «Вам предстоит проделать 15, 20, 50-летние гражданские войны и народные восстания не только для того, чтобы изменить общественные отношения, но для того, чтобы изменить самих себя и сделаться способными к политическому господству».

Два десятилетия работы в Англии показали затем Марксу и Энгельсу, что эти бои, которые предстояли пролетариату, чтобы изменить общественные отношения и самого себя для того, чтобы целесообразно использовать политическое господство, отнюдь не были гражданскими войнами. В то время, как в «Положении рабочего класса», в «Нищете философии» и «Коммунистическом Манифесте» кровавая революция объявляется неотвратимой, уже в период Интернационала Маркс считал систему демократического господства достаточной для того, чтобы сделать возможным пролетариату завоевание политической власти без насильственных мер. Они считали исключенной возможность мирной ликвидации континентальных монархий.

Чем больше они имели возможности наблюдать систему демократического режима и его влияние, тем более они отходили от своей первоначальной концепции, находившейся еще под влиянием якобинских воспоминаний, согласно которой незначительное сознательное меньшинство, стоящее во главе бессознательных масс, в состоянии захватить государственную власть и использовать ее для осуществления социалистических мероприятий.

> «Где идет дело о полном преобразовании общественного строя, там массы сами должны участвовать в этом преобразовании, сами должны понимать, в чем дело и за что они должны вступиться». (Энгельс, введение к «Гражданской войне во Франции»).

Это звучит совсем иначе, чем революционные ожидания 1843—48 годов.

При всех изменениях все же Маркс и Энгельс неизменно придерживались одного, необходимости завоевания политической власти. В том же самом предисловии, из которого взята вышеприведенная цитата, Энгельс провозглашает «право на революцию». В последние годы своей жизни Энгельс был убежден, что близок момент, когда немецкий пролетариат достигнет власти без всяких ассоциаций для предварительного уничтожения капитализма. Это убеждение было не результатом революционного опьянения, о котором говорит Кунов, не противоречием в его общенаучном мировоззрении, а наоборот, логически необходимым следствием этого мировоззрения.

И как бы критически мы ни относились в настоящее время к некоторым взглядам Маркса и Энгельса, все же завоевание власти есть и останется основной политической идеей у социал-демократии. В этом вопросе колебания последних десятков лет ничего не изменили, весь наш практический опыт скорее подтвердил и подкрепил то, что завоевание пролетариатом государственной власти составит важнейший поворотный пункт во всей его классовой борьбе. Хотя коалиционные правительства и являются иногда неизбежными, однако они не противоречат в корне принципу классовой борьбы. Но лишь от чисто-социалистического правительства, за которым стоит определенное социалистическое большинство, пролетариат может ожидать действий, ведущих к его освобождению. И достижение этого должно стать нашей ближайшей великой политической целью, для осуществления которой мы должны приложить все силы.

Теория государства и общества и „вульгарный марксизм“.

1. Обвинительный акт Кунова.

После того, как мы рассмотрели Куновское изложение точки зрения Маркса на государство, мы не можем не остановиться в приложении на том, как Кунов изображает взгляды на взаимоотношение между государством и обществом тех из его марксистских коллег, которых он окрестил ругательной кличкой «вульгарных марксистов». Этого он касается в своей книге как бы мимоходом, между тем эта сторона составляет важнейший мотив всего его выступления. Он говорит в своем введении, что марксистская школа „выродилась в оторванный от действительности догматизм“. И далее он продолжает:

> „*Схоластический вульгарный характер этого марксизма* и все *его ничтожество* можно лучше всего доказать, обратившись к подлинным, основным социологическим взглядам Маркса... Эту задачу и преследует предлагаемый труд. Он преследует цель восстановить до некоторой степени основы марксова мировоззрения“ (т. I, стр. 11).

Как обстоит дело с этим восстановлением, «до некоторой степени» мы уже видели на нескольких примерах. Теперь нам необходимо привести еще один пример того, как Кунов доказывает ничтожество схоластического марксизма.

Представителем этого вульгарного марксизма он прежде всего считает «меня». Так, например, на 262 стр. I тома он оворит:

«Плоский, вульгарный марксизм ничего не усвоил из этого глубокого анализа. Он в общем остался на позициях Руссо. Это в особенности надо сказать о его теоретическом лидере—Карле Каутском, который не только в своих ранних работах, но даже и в своей работе: „Этика и материалистическое понимание истории», появившейся в 1906 г., по старому шаблону одинаково трактует в качестве «общества» любое объединение: капиталистическое общество на ряду с стадом животных и человеческой ордой, половой союз на ряду с государством—и в связи с этим не проводит различия между общественной формацией и государственной организацией". (Gesellschafts- und Staats-Ordnung).

Для доказательства этого он ссылается на некоторые мои статьи, из которых ни одна не трактует о государстве, и на основании которых, следовательно, и в малейшей степени нельзя утверждать того, что я не провожу различия между общественной и государственной организацией. Правда, в этих статьях «первобытные коммунистические общины» и другие «человеческие объединения» называются обществами, из чего Кунов заключает, что я «спутываю все понятия и стою далеко ниже уровня не только Маркса и Гегеля, но даже английской социал-философии XVIII столетия» (стр. 263).

Трудно допустить, чтобы кто-либо, изучавший Маркса, был бы способен просмотреть проводимое им различие между государством и обществом. Никогда мне и в голову не приходило отождествлять государство с обществом. Кунов даже не пытается подкрепить хотя бы одной цитатой это свое утверждение.

Но если считать преступлением против истинного духа марксизма название отдельных человеческих объединений—обществами, то в этом я имею сообщников, которых мне не приходится стыдиться. На это уже указал профессор Боркевич в своей рецензии на книгу Кунова (Archiv für Geschichte des Socialismus, X, Heft $^{2}/_{3}$ S. 419).

„Но как же обстоит здесь дело с Энгельсом? В его «Просхождении семьи и т. д.» можно указать десятки мест, где выражение «общество» и «общественный» употребляются с нарушением Куновской терминологии. Значит и тут налицо «вульгарный марксизм»?

2. Общество и община [1]).

Это одно уже должно было в достаточной мере лишить всякого значения брошенный Куновым упрек. Однако мы не хотим оставить этот упрек без рассмотрения, поскольку он дает повод поставить здесь немаловажный для социологии вопрос о терминологии. А дело идет здесь только о ней, поскольку мы оставим здесь в стороне «мелочные придирки и прихоти», которые Кунов приплетает для того, чтобы излить злобу на своих прежних друзей, вульгарность которых он заметил лишь с тех пор, как он нанес им удар в спину во время мировой войны.

Здесь дело идет не о том, что мы, вульгарные марксисты, хуже, чем Кунов, различаем понятия об общественных формациях: вопрос здесь заключается только в том, является ли наша терминология более целесообразной, чем его.

Я говорю об обществе в широком смысле и об отдельных обществах внутри этого общества. Для Кунова существует лишь одно общество, то, которое я здесь назвал, как общество в широком смысле (Gesellschaft schlechthin). Отдельные общества внутри этого общества Кунов называет общинами (Gemeinschaften). Так, на стр. 247 I тома он говорит:

> «Акционерное общество, или сельская община, в такой же малой мере является обществом, как научная ассоциация или клан» (Stamm).

Здесь прежде всего удивительно то, что Кунов рассматривает все эти термины не как нечто такое, что люди сами присоединяют к объектам, а как нечто такое, что свойственно последним от природы. Это немного напоминает рассказ о наивной прислуге из Рура, в доме которой были расквартированы французы: она говорила, что французы чудаки: „лошадь ведь есть лошадь, почему же они называют ее «cheval»!? Акцио-

---

[1]) К сожалению, на русском языке с терминологией здесь обстоит еще хуже, чем на немецком. Gesellschaft, „Ein" Gesellschaft мы переводим словом: просто общество, или отдельное общество; „Die" Gesellschaft мы переводим словом: общество в широком смысле, т.-е. имея здесь в виду современное общество, связанное товарным обменом. Gemeinchaft мы переводим: либо словом сообщество, либо община, либо община-коммуна.

Переводчик.

нерное общество ведь есть община, почему же я называю его обществом? Разве это не доказывает полной неразберихи с моей стороны?

Далее Кунов объявляет нам новость, что приводимое им различие между обществом и общиной встречается уже у Маркса.

Он говорит (т. II, стр. 10):

> «Согласно различению, которое проводит Маркс, все эти общественные образования, как нация, народ, церковь, класс, семья не суть «общества», а все они точно так же, как и государство, *представляют* из себя общины или комплексы социального общежития, выросшего из процесса общественного развития».

Доказательство того, что Маркс все эти образования называл общинами Кунов видит в том месте у Маркса, где тот проводит строгое различие между государством и обществом, т.-е. то различие, которое является для всех бесспорной вещью. Далее он указывает на то, что Маркс в «большинстве случаев» называл государство «политическим общественным образованием» (Ein politisches Gemeinwesen). И это не является поразительным открытием.

Но все это не доказывает еще далеко того утверждения Кунова, будто Маркс требовал, чтобы отдельные объединения в обществе назывались только общинами, а не обществами.

Для подкрепления этого утверждения Кунов не привел и не приведет ни одного положения из Маркса. За это говорит уже тот факт, что, как уже было замечено, Энгельс одинаково, как и я, повинен в том же грехе. Я имею ещё одно основание для этого предположения. Различие между общиной и обществом было введено в науку лишь четыре года спустя после смерти Маркса в труде Тенниса: „Gemeinschaft und Gesellschaft, Abhandlung des Kommunismus und Socialismus". Кунов знаком с этой книгой, он цитирует ее и констатирует, что определения понятий у Тенниса вполне совпадают с марксистскими" (стр. 258).

Против этой книги он не выступил ни одной строчкой, а это он должен был бы сделать, т. к. она действительно является «вульгарно-марксистской» в Куновском смысле слова.

Уже Боркевич в вышеупомянутом своем отзыве об этом указал на то, что Кунов для подкрепления своей позиции при-

водит в кавычках длинную цитату из книги Тенниса, и что одно место этой цитаты „оказывается добавлением самого Кунова, продуктом его пера, куда произвольно вставлены вырванные из контекста отдельные слова Тенниса“ (Archiv S. 418).

Благодаря этой операции, смысл цитированного пункта получился как раз обратный. Правильно, что Кунов, как и Теннис, проводит различие между обществом и общиной, но совсем в ином смысле. Внутри „данного“ общества Теннис различает отдельные общества. Уже в начале своей книги он говорит, что существуют «общины» (Gemeinschaft) в отношении языка, нравов, веры, *но общества* (Gesellschaft)—*по роду занятий, по совместному путешествию, научные общества.*

> «Как бы ни были, в частности, значительны торговые общества..., было бы нелепо вводить термин «акционерных общин» (Gemeinschaft und Gesellschaft, 1 Aufl. 1887. S. 4).

То, что Теннис называет „совершенно нелепым“, то Кунов объясняет чем-то само собой разумеющимся. Акционерные общества для него должны быть только акционерными общинами. Тот, кто называет их обществами, является повинным в самом путанном вульгарном марксизме.

Взгляд Тенниса и в другом отношении в корне отличается от куновского. Для Кунова общество существует с того времени, как существуют люди. Наоборот, по Теннису, община предшествует обществу. Он различает в истории два периода: сначала период общины, затем общества. Вопреки же Кунову, государство является для Тенниса не общиной, оно не образуется из общества, как община (сообщество), а составляет охватывающий общество и с ним сливающийся союз. (Die Geselschaft umfassender, mit ihr zusammenfallender Verein).

Мы видим, таким образом, что применение терминов общество и община (сообщество) не является столь простым делом, как это представляется Кунову. Его наставнические ругательства могут напугать разве молодого школьника, но всего этого мало для того, чтобы заставить меня отказаться от моих социологических взглядов, которые в основном сложились у меня раньше, чем появились на сцену Кунов и Теннис.

Его буча против меня основана на личной почве, она тем менее может быть оправдана с деловой точки зрения, что я

очень близко стою к существу его взглядов на общество, ближе, чем к Теннису, если не говорить о терминологии, о которой он на протяжении четверти века до войны не сказал ни слова.

Для Тенниса общинами (сообществами, Gemeinschaften) являются такие соединения людей, которые связаны волевым единством, вытекающим из равенства свойств и сил отдельных индивидуумов. Общины могут быть по кровному родству, по территории, наконец, по образу мыслей и, прежде всего, по религии. Взаимное понимание и согласие, т.-е. семейный дух, характерны для общин: семья, племя, род, община—марка, маленький город, церковь. Совсем другое представляет из себя общество.

> „Теория общества различает объединение людей, которые, как и в общине, мирно живут и уживаются друг с другом, не будучи сильно связаны, а наоборот, даже будучи сильно разъединены. И если в общине они тесно связаны, несмотря на все то, что их разъединяет, здесь они разъединены, несмотря на все то, что их связывает. Здесь каждый знает только самого себя и находится в состоянии разъединения, отчуждения от всех прочих... Никто не будет ничего делать для другого, никто не согласен что-либо уступить или дать для другого, хотя бы ради взаимной услуги или взаимного получения (Gemeinschaft u. s. w. S. 46—47).

В таком обществе господствует не единство воли, а произвол отдельных индивидуумов. Но, несмотря на подобное отчуждение друг от друга, отдельные члены общества видят себя вынужденными с определенными целями вступать в известные объединения, которые Теннис называет ферейнами или обществами. Но эти последние ограничиваются определенными целями и средствами к их достижению, «в то время как для объединения типа общины характерным является то, что это объединение является универсальным, как вся жизнь» (S. 231). И государство, хотя оно и является генеральным общественным союзом, (S 261) в противоположность к общине преследует лишь определенные цели его участников, не охватывая все стороны их жизни.

О государстве Теннис далее говорит:

> «Государство имеет двойственный характер. *Во-первых,* оно генеральный общественный союз (allgemeine gesell-

schaftliche Verbindung), базирующийся на том и как бы *одновременно основанный* для того, чтобы защищать свободу и собственность своих субъектов (S. 264).

Но, *во-вторых*, государство это есть само общество или социальный разум» (S. 265) [1]).

Как ни понимать это место, но из приведенных слов ясно, что Теннис, строго различающий общество от общины, отнюдь не проводит такой резкой грани между обществом и государством и наоборот, употребляя образное выражение Кунова по моему адресу, «сваливает все в одну кучу».

3. Общество в широком смысле. (Die Gesellschaft schlechthin).

Под термином «общество» Теннис понимает не то, что Кунов и не то, что я. Если ближе вникнуть в его определение общества, то становится ясным, что он понимает под обществом общество товаро-производителей, которое во всяком случае (и в этом он прав) развилось гораздо позже примитивных коммунистических «общин» (Kommunistische Primitive Gemeinschafte). Мое понимание общества совпадает с тем (за исключением стиля), которое Кунов формулирует следующими словами:

«Общество—это комплекс всех таких личностей (каких?—в предыдущем не было речи ни о «таких», ни

---

[1]) Первое из этих двух положений Кунов, делая вышеупомянутое нами искажение, передает так своими словами: „Такой общиной (как племя, род и т. д.—курсив мой) является также и государство, основанное с тем, чтобы защищать свободу и собственность своих об'ектов (I, с. 259).

Превращение „субъектов", о которых говорится в оригинале у Тенниса, в „объектов"—это еще только литературная неряшливость. Существенней то, что вместо выражения „как бы одновременно основанное", с курсивом, который мы сохранили, цитируя оригинал, получилось только „основанное". Но настоящее извращение и полное искажение мы видим там, где Кунов обозначение государства, как „генерального общественного союза", а затем „самого общества", заменяет словом „община" (gemeinschaft), каковой термин Теннис в отношении к понятию государства решительно отвергает. Подобный способ цитирования является неслыханной вещью.

Но Кунов намерен, повидимому, создать целую школу в этом духе. Он очень рад, что у него нашелся почитатель Вальтер Израэль, который поет ему хвалебные гимны в „Neue Zeit". Названный Израэль, чтобы возвеличить Кунова, ругает там мою книгу „Программа проле-

об иных каких-либо личностях. К. Каут.), которые в данное время находятся в посредственных или непосредственных хозяйственных взаимоотношениях друг с другом». (I, S. 246).

Сказанное не надо понимать в том смысле, что только экономические отношения признаются общественными. Экономика это фундамент общественного здания, а не все оно в целом. Но и такие общественные отношения, которые более всего отдалены от экономики, как, напр., отошения религиозного и эстетического характера, могут поддерживаться людьми только из экономических потребностей и в связи с экономическими отношениями. Но каковы, однако, пределы этого комплекса? Этим вопросом более детально социологи обыкновенно не занимаются. Не занимается им и Кунов. На основании этого термина «общество вообще» (или общество в широком смысле) можно было бы собственно сделать заключение, что на земле теперь существует лишь *один* комплекс этого рода, как будто тождественный с понятием человечества, но это отнюдь не верно.

Группы, орды, или кланы, в которых совместно жили люди первобытных времен, долгое время имели характер полной автаркии, т.-е. каждая из этих групп самоудовлетворялась и ни в какой хозяйственной зависимости не была от другой.

тарской революции". Центром его нападения является следующее место оттуда:

„Поскольку пролетариат становится постепенно самым многочисленным классом в стране, постольку это означает тем самым рост *неустойчивости* (Unsicherheit), общества" (курсив Израэля).

Мой критик понимает это место, как ожидание того, что рост пролетариата означает переход „к саботажу или аналогичным способам борьбы". „Иначе", говорит он, „слов Каутского понять невозможно". Но критик цитирует не слова Каутского, и я в приведенном месте говорю не о *„неустойчивости* общества" что мне приписывает и к тому же подчеркивает курсивом Израэль, а о неустойчивости „внутри" общества, а это нечто совсем иное. В оригинале у неня подчеркнуто только слово *„внутри"*, и как раз это слово Израэль выпустил. Из того контекста, в котором стоит это место, для всякого, кто будет цитировать его полностью, будет совершенно ясно, что оно означает: с ростом пролетариата растет внутри общества число людей, которые живут в состоянии *неуверенности*.

Читатель видит, как опасно подвергаться цитированию со стороны Кунова и его школы.

Добывание средств существования чрезвычайно было просто и не более сложным делом было также и производство средств производства, так что каждая группа была в состоянии добывать все для нее необходимое. Даже у общины—марки, находившейся на более высокой ступени культуры мы наблюдаем то же самое. Каждая из автаркических групп есть «комплекс всех тех людей, которые... находятся друг с другом в хозяйственных взаимоотношениях». Каждая из этих групп образует следовательно общественную организацию такого рода, которую называют обществом в широком смысле, хотя бы вначале таких обществ и было бесконечно много. Уже одно это давало мне право рассматривать в качестве общества «как животное стадо и человеческую орду, так и капиталистическое общество» (S. 262), что является, по мнению Кунова, недопустимой путаницей.

Понятно, эти примитивные группы не остаются всегда автаркическими. Если допустить, что первые человеческие орды жили все в общем на одной территории определенного рода, то переселения, которые могли быть вызваны разными причинами, гнали их постепенно в самые различные места. Благодаря этому образовались различия между жителями горных местностей и долин, морских берегов и внутреннего материка; между жителями первобытных лесов и голых степей; между жителями местностей с полезными минералами, лежавшими на поверхности, и местностями, в которых таковых не было. Тут уже все эти группы не производят и не добывают одного и того же. Некоторые группы производят излишки того, чего другим не хватает. Военный грабеж соседей не всегда был возможен и часто и систематически не мог повторяться. Мирный обмен излишков был более удобный и более надежный способ получить желаемое.

Как только обмен товарами перестает быть чем-то случайным и единичным, а постоянно повторяется, он порождает общественные связи между отдельными группами. Начиная с этого времени, общество уже не ограничивается рамками отдельной орды, а оно объединяет целый ряд таких обществ в один комплекс. С ростом транспорта все расширяется размер каждого общественного комплекса подобного рода, и ныне, в век международных связей, мы шагаем огромными шагами навстречу к

такому общественному состоянию, при котором самый термин—«общество в широком смысле» делается излишним и слова «общество» и «человечество» делаются синонимами.

Следовательно, неправильно общество товаро-производителей рассматривать, как общество вообще, как это делает Тэннис. Но до появления товарного производства, общество совпадает с тем, что Теннис называет общиной (Gemeinschaft). Но недопустимо, как делает Кунов—брать терминологию Тенниса и отбрасывать ее предпосылки: допускать, что общество существовало уже до товарного производства и осуждать тех, которые видят в общинах (Gemeinschaften) до товарного производства известную форму общества.

4. Общества внутри общества.

Если орда, племя, род, марка, общества, существовали уже до товарного производства, то непонятно, почему они не могут называться обществами после того, как развилось товарное производство. Каждое из этих объединений перестает быть для людей «единым» обществом, («Die» Gesellschaft)—единственным видом общества, который они знают. Эти объединения превращаются теперь лишь в более мелкие общества внутри единого общества.

Быть может, Кунов возразит на это, что употреблять для различных понятий одно и то же слово является ужаснейшей путаницей. Современное общество и какое-либо отдельное общество суть равные термины, и со стороны Кунова является совершенно произвольным требование, чтобы мы говорили лишь об обществе в широком смысле слова, а не о каком-либо отдельном обществе.

Когда я всемирно-церковную организацию, имеющую своим центром Рим, называю католической церковью, то по логике Кунова, я не имею уже больше права говорить об отдельных католических церквах разных частей света, если же я это делаю, то я „путаю понятия“ церкви, как религии и церкви, как здания, и не только оказываюсь далеко позади Маркса и Гегеля, но и позади египетских философов до Р. Х.

Наш язык дает возможность отличать между церковью в широком смысле („Die" Kirche) и какой-либо отдельной церковью („Eine" Kirche), как между обществом в широком смысле и каким-нибудь отдельным обществом[1]). И мы хорошо делаем, когда мы не уклоняемся в своей терминологии от обычного словоупотребления и пользуемся нашими терминами не только затем, чтобы для нас самих проводить различие между понятиями, но и для того, чтобы нас поняли другие.

И Маркс, по возможности, старался держаться обычного словоупотребления. Терминология его «Капитала» кажется нам, немцам, новой и чуждой, главным образом, потому, что его обороты заимствованы преимущественно из языка классической экономии, которая процветала не в Германии, а в Англии и Франции.

> В связи с этим Маркс в одном месте «Капитала» говорит: «Читатель видит, что слово «доход» (revenue) употребляется здесь в двояком смысле: во-первых, для обозначения прибавочной стоимости, как периодически возникающей из капитала, и во-вторых, в качестве той части ее, которую капиталисты либо периодически непосредственно потребляют, либо включают в свой фонд потребления. Я сохраняю за этим словом этот двойной смысл потому, что он соответствует терминологии английских и французских экономистов" (Kapital I, Uolksausgabe, S. 526, Note 33).

Таким образом, Маркс в интересах обычного словоупотребления отказывался даже от того, чтобы для двух различных понятий употреблять два различных слова. Тем более чувствую я себя в праве употреблять слово «общество» в двух различных смыслах, которые никого не могут ввести в заблуждение, потому что каждый, кто только не читает поверхностно, должен ясно себе представлять, что общество в широком смысле представляет собой нечто совсем иное, чем отдельное общество.

---

[1]) Наш русский язык не дает этой возможности потому, что ему не свойственно употребление определенного и неопределенного члена при существительном.

Переводчик.

Употребление одного и того же слова для этих двух различных понятий диктуется не столько обычным словоупотреблением (которое для науки, разумеется, не играет решающей роли), сколько тем сходством по существу, которое наблюдается между различными видами общества; каждый из них представляет из себя комплекс людей, которые в данное время находятся друг с другом в определенных взаимоотношениях. Кунову самому приходится определить общину (Gemeinschaft) не иначе как некий „комплекс общежития" („Lebensgemeinschaftskomplexe"), (II, S. 10). Общество в широком смысле ничего другого из себя и не представляет.

Это совпадение терминов не означает, разумеется, что различные общества, которые частью существуют, частью возникают в обществе, носят все одинаковый характер. Они распадаются на различные виды. Мне кажется целесообразным на каждом из них остановиться отдельно.

Внутри общества в широком смысле мы различаем несколько больших групп—обществ.

Прежде всего мы можем разделить их на организованные и неорганизованные общества; организованные опять-таки распадаются на две группы. Во-первых, на группу таких, которые не были организованы планомерно, а возникли стихийно. Это не означает, конечно, что они возникли без активного участия людей. Без последнего невозможно никакое общественное образование; все они являются продуктом человеческой деятельности. Но те общества, которые мы здесь имеем в виду, возникли, благодаря деятельности, которая преследовала различные цели, а не специально цель создания какой-нибудь общественной организации. Эта последняя слагалась постепенно из потребностей самого дела, при чем ее участники не ожидали и не стремились к такому результату. Но раз возникши, такая организация может достигнуть такой ступени развития, на которой ее дальнейшее развитие может происходить сознательно и планомерно. Однако, и тут цель и результат не всегда совпадают. Эта организация является определенно ограниченной как по количеству ее участников, так и той областью, на которую распространяется ее деятельность при условии определенной оседлости. Такая общественная организация имеет во главе руководителей, законодательство, а также органы по улажению конфликтов. Она располагает принудительной властью

над всеми своими участниками и практикует ее во всех случаях, когда применение такой власти необходимо. Эта власть в условиях примитивных взаимоотношений покоится на моральном авторитете массы общества в противовес его отдельным членам, но современем она оказывается все болеее непреодолимой, потому что каждый отдельный участник родился в этой организации, она противостоит ему с самого детства в качестве великой решающей силы в его жизни. Он не может жить вне своей организации, если его не примет в свою среду аналогичная другая организация, (что не всегда легко и не всегда возможно). Такая организация охватывает всех людей определенной местности.

К обществам подобного рода относятся: орда, племя, род, марка, государство.

На известной ступени развития, особенно государства, образуются внутри этих обществ более мелкие организации, которые основываются отдельными группами для достижения специальных целей. И они строго ограничены, имеют руководителей, свои законы (статуты) и известную принудительную власть, ограниченную рамками тех специальных целей, которые она преследует, но эта власть не может быть особенно большой, потому что отдельный участник может выйти из этого союза, или в крайнем случае обойтись без него. Большинство союзов такого рода недолговечны в противоположность к организациям первого рода, существование которых продолжалось столетия и даже тысячелетия.

К организациям второго рода относятся: производственные сообщества, боевые союзы (как только в обществе появляются классовые противоречия, на которых мы здесь не будем останавливаться), научные, художественные ассоциации.

На ряду с этими организованными обществами мы должны различать также и неорганизованные общества, которые обыкновенно не принимаются во внимание.

Общество в широком смысле само не является организованным. Круг его участников не является строго ограниченным и определенным. Его состав является текучим, а вместе с ним является текучим и все остальное. И участников такого общества удерживают вместе не внешнее принуждение, а силы взаимных потребностей людей. Это общество руководствуется не законами, созданными какой-либо корпорацией, но зако-

нами, которые вытекают из самых условий существования членов общества, из правил, возникающих из закономерных и необходимых хозяйственных взаимоотношений между людьми и действуют с силой законов природы; эти законы являются столь же скрытыми, как законы природы, и могут быть вскрыты лишь путем научного исследования.

Как и само общество в широком смысле, так и многие отдельные комплексы внутри этого общества трудно охватить точными и исчерпывающими определениями. Особенно большое значение получили для общественного развития два из таких комплексов: *национальность и класс*.

Может показаться странным попытка трактовать класс в качестве общества, но ведь и буржуазный класс имеет привычку называть себя «хорошим» обществом, и многие и из буржуа видят в рабочем классе «дурное» общество или даже общество преступников.

5. Терминология различного типа обществ.

После того, как уточнены и разграничены понятия, является уже не трудным делом найти для них соответствующие слова, достаточно подходящие по смыслу и в то же время, по возможности, не противоречащие обычному словоупотреблению, так чтобы читатель или слушатель связывал с ними те самые представления, которые имел в виду вызвать в них сам автор.

Для организованных обществ второго рода, строго ограниченных и построенных по определенному плану, больше всего подходит название *„ферейна“*, каковой термин Теннис употребляет для того класса общественных образований, которые ближе всего подходят к этому типу. Наоборот, мне представляется нецелесообразным называть по принципу Тенниса организованные общества первого рода словом община (Gemeinschaft). Термин Gemeinwesen (общественная формация), который часто теперь употребляют по отношению к ним, кажется мне более правильным. Наоборот, общинами-коммунами (Gemeinschaften) я склонен был бы называть неорганизованные общества, туманности на общественном звездном небе, для которых до сих пор не существовало специального термина. Словом Wesen чаще всего называют какой-либо осязаемой объект (einen greifbaren Körper), а словом Gemeinwesen замкнутую, строго огра-

ниченную, организованную корпорацию, которая отличается от ферейна присущим ей суверенитетом. Наоборот, под словом Gemeinschaft чаще всего подразумевается лишь общность, совпадение воззрений и стремлений. Национальность не раз уже определялась теперь, как формация, связанная общностью языка или общей судьбой. Внутри класса мы видим общность интересов. Говорят так же об идейном сообществе, о религиозном сообществе, о сообществе святых (у нас лик святых. П. В.).

Термин Gemeinwesen по отношению к сложившемуся всеохватывающему, организованному обществу не только соответствует, по крайней мере, во всех случаях теперешнему словоупотреблению, но он находится в соответствии с тем взглядом, согласно которому нельзя государство выключать из цепи развития тех общественных формаций, которые Теннис называет Gemeinschaften, а наоборот, нужно включить его в этот ряд в качестве важнейшего звена. В самом деле, государство многие из своих органов, хотя и не в достаточно развитом виде, получает от ранних общин. От последних оно отличается тем, что в то время, как в общине эти органы являлись представителями интересов целого против отдельных ее сочленов, теперь они делаются достоянием одного класса и превращаются в органы его классового господства.

Если мы путем применения одного и того же термина включим государство в эволюционный ряд теннисовских Gemeinschaften [1]) то это поможет нам правильно понять марксово-энгельское «отмирание» государства, которое так сильно беспокоит не только многих противников марксизма, но также и Кунова.

«Отмирание» государства не надо представлять себе, как расползание общественной организации (Auflösung des Gemeinwesens). Мы связываем со словом отмирание ту мысль, что благодаря уничтожению классов общественная организация достигает в своем развитии более высокой ступени. Ее органы не перестают тогда функционировать, а лишь происходит изменение в их функциях. Они перестают быть органами одного класса против других классов, превращаются в органы целого против отдельных лиц, органы, принудительное воздействие

[1]) Мы не говорим здесь о церкви, которая представляет из себя смешанное образование, иногда это только ферейн, иногда она тесно связана с государством.

которых все больше и больше достигают цели без применения жестокости, а лишь путем морального перевеса большинства над общественно от него зависящими отдельными членами.

Это есть возвращение к догосударственным отношениям, но только на более широкой основе, созданной государством и капитализмом.

Вот в кратких словах та терминология по отношению к обществу в широком смысле и к отдельным обществам, которую я предлагаю. Если она окажется недостаточной или нецелесообразной, тогда я вполне готов здесь поучиться у других. Из того же, что выдвигает против меня Кунов, я вижу лишь, что он прошел мимо моих действительных взглядов на вопрос.

Его критика не делается убедительней от сильных ругательств, каковыми он осыпает всех авторов, с ним не согласных.

Уже Боркевич в своем вышеупомянутом отзыве о книге Кунова охарактеризовал подобный сорт критики как „fortiter in modo, debiliter in re“, т.-е. слова сильны, по существу же слабо.

Хотя я и являюсь жалким вульгарным марксистом, я никогда не буду настолько вульгарным, чтобы позволить себе назвать какого-либо автора путаником и невеждой только потому, что его терминология отличается от моей. С такими методами научной аргументации я не ищу ни Gesellschaft, ни Gemeinschaft.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Социалистической Академии.

Москва, Знаменка, д. № 11. Телеф. 1-94-66.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ПО СЕКЦИИ ПРАВА и ГОСУДАРСТВА

Стучка, П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 2-е пересмотренное и дополненное издание. Стр. 154. Ц. 75 к. (распродано).
Адоратский, В. О государстве. (К вопросу о методе исследования). Стр. 96. Ц. 50 к.
Разумовский, И. Социология и право. Стр. 32. Ц. 15 к. (распр.).
Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм. Стр. 160. Ц. 50 к.
Гурвич, Г. Право и нравственность. Стр. 48. Ц. 35 к.
Стучка, П. Классовое государство и гражданское право. Стр. 78. Ц. 40 к.

ПО СЕКЦИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Сапронов, Т. Очередные вопросы советского строительства. Стр. 60. Ц. 40 к.
Гурвич, Г. История Советской конституции. Стр. 216. Ц. 1 р.
Михайлов, Г. Подготовка работников по советскому строительству. Стр. 46. Ц. 30 к.
Гурвич, Г. Принцип федерализма и автономизма в советской системе. Ц. 50 к.

ПО СЕКЦИИ ЭКОНОМИКИ

Преображенский, Е. Экономические кризисы при НЭП'е. Стр. 51. Ц. 35 к.
Иванов, И. Соединенные Штаты и Европа в мировом хозяйстве. Стр. 56. Ц. 35 к.
Крицман, Л. Три отзыва о работах представителей современной мелко-буржуазной политической экономии. Ц. 40.

Библиография периодики. Вып. I—IV. Стр. 165. Ц. 1 р.
Каутский, Карл. Марксова теория государства в освещении Кунова, пер. с немецк. Ц. 50 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Белобородов. Новая волость.
В. ЛЕНИН (Ульянов). Теория и практика диалектического материализма.

Склад изданий: Социалистич. Академия. Москва, Знаменка, 11.

Ц. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

INFORMATION CONSERVATION INC

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000060813O3